

ДЕНЬ, КОГДА МУЗЫКА СОВРАЛА

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ГАСНЕТ НИКОГДА

ЯКОВ РУМЯНЦЕВ

Яков Румянцев

День, когда музыка соврала

<https://litres.ru/74467622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я до сих пор слышу те аккорды.

Школа, одиннадцатый класс и первая любовь. Всё было привычно, пока в дверях не появился Грэг. Ноги на парту, огонь в глазах — он вернулся спустя восемь лет тишины на пепелище своей любви. Оказалось, женщина, которую он когда-то бросил, теперь наш учитель литературы.

Я видел их войну и не понимал: как можно так сильно любить — и всё разрушить? Теперь за их историей следит вся страна, а главный вопрос остаётся открытым: смогут ли они простить друг друга или снова всё сожгут?

Впереди — ночные мосты, драки, слёзы на рассвете и стадионный взрыв рока.

Готовы? Начинаем рок-приключение.

Содержание

Вступление	4
Записка друга ...	8
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	92
Глава 7	109
Глава 8	121
Конец ознакомительного фрагмента.	138

День, когда музыка соврала

Настоящая любовь не гаснет никогда

Вступление

Приближающееся лето принесло в небольшой городок первые по-настоящему теплые, солнечные дни. Улицы дышали умиротворенной прохладой размеренных будней.

По этой сонной тишине катился старенький, но сохранивший дерзкий блеск черный хэтчбек Грэга. На самом деле в паспорте он значился Григорием, но детское прозвище приросло к нему намертво, оставшись вторым именем на всю жизнь.

Ветер ласкал капот машины. Из открытых окон на всю улицу вырывался хриплый ритм «Gimme Shelter» группы Rolling Stones — музыка заполняла салон и растворялась в клубах дорожной пыли.

Грэг подъезжал к родному городу. Из-за поворота показалась знакомая вывеска с названием. Правой рукой он вел машину, а левой неторопливо подносил тлеющую сигарету к губам. Пальцы на руле привычно отстукивали ломаный ритм песни.

Громкий рок притягивал взгляды. Редкие прохожие оборачивались, провожая черный автомобиль заинтересован-

ными взглядами. Грэга не было в этом городе ровно восемь лет. И вот он возвращается.

Хэтчбек плавно проехал по главной улице, миновал небольшую площадь и свернул налево, замерев у цветочного павильона.

Продавщица, занятая сбором букета, встрепенулась от приближающегося грохота старого рока. Сквозь застекленную витрину, заставленную пышными шапками гвоздик и роз, она заворуженно наблюдала, как из машины выходит мужчина. На нем были темные солнцезащитные очки, потертый темный деним и кожаная куртка, из-под которой виднелась шоколадная рубашка. Две верхние пуговицы были расстегнуты — небрежность, словно прописанная в негласном кодексе хулиганов. С первого взгляда становилось ясно: этот человек не признает общепринятых правил. Но стоило ему обратиться к ней, как продавщица невольно расплылась в легкой улыбке. От этого мужчины веяло сногшибательной харизмой.

Забрав два пышных букета, Грэг продолжил свой путь, оставив женщин шептаться в недоумении. В таком маленьком городке чужаков не бывало — здесь все знали друг друга если не лично, то через вторые руки. А этот внезапный гость определенно умел обращать на себя внимание.

Спустя пару минут хэтчбек уже был на другом конце города. Улицы звенели голосами школьников, ликующих в предвкушении скорых каникул. Грэг и здесь устроил маленькое

шоу: пока он медленно ехал мимо, кто-то из подростков при-танцовывал под гитарные риффы, а один дерзкий малец даже выкинул в воздух «козу», приветствуя проезжающего гастролера.

Машина остановилась у тяжелых железных ворот школы. Дети рядом оборачивались, разглядывая его необычный вид. Грэг вышел из салона и направился к крыльцу.

Навстречу стайками выпархивали одиннадцатиклассники; они не скрывали интереса, бросая на него робкие взгляды.

Он поднялся по ступеням и подошел к дверям. Рука легла на ручку. На секунду Грэг замер, сжав пальцы крепче — словно собирался силой распахнуть закрытую главу своего прошлого. И всё же, преодолев секундное колебание, он толкнул дверь и зашел внутрь.

Каждый шаг давался всё труднее, словно он пробирался сквозь невидимую стену. За порогом на него обрушилась лавина воспоминаний, мешая дышать, заставляя развернуться и бежать прочь. Но отступать было поздно. Грэг вернулся домой.

Он быстро поднялся на второй этаж. На стене напротив всё так же висело расписание уроков. Пробежав по нему глазами, он зацепился взглядом за строчку «Музыка».

Решительно повернул в левую рекреацию, направляясь к восемнадцатому кабинету.

Сердце колотилось в ребра. По коже пробежала дрожь

волнения. Глубокий, тяжелый вдох. Грэг медленно прикоснулся к дверной ручке.

Дверь поддалась, тихо скрипнув... И потухшие в глухом сейфе памяти страницы старой жизни распахнулись навстречу новой, еще не написанной истории его приключений.

Записка друга ...

Я хочу рассказать вам историю. Не просто набор событий, а то, что жило в сердцах и ломало судьбы. Историю о той самой любви, что сворачивает горы, и о ненависти, что выжигает дотла. Историю об отчаянии, что захватывает без остатка, и о сомнениях, которые, терзая разум, толкают на самые глупые поступки — те, что мы потом всю жизнь боимся признать.

Это, наверное, главная история о любви. О той, что всепоглощающая, истинная, что заставляет не просто чувствовать, а ЖИТЬ, принимать все пороки и бросать вызов самой судьбе, как будто не существует никаких правил.

И это, конечно, история о счастье, которое мы так часто упускаем из рук, наивно веруя в какое-то призрачное «лучшее завтра». Но, прежде всего, это история о моем лучшем друге — Грэге. О человеке, который одним своим появлением переворачивал мир вокруг, помогая другим побеждать их собственные сомнения и воплощать в реальность самые смелые мечты. Вот только мало кто знал: для самого Грэга жизнь была таким непосильным бременем, что спасение, как оказалось, ждало его совсем рядом, а он его так долго не замечал.

Так о чем же эта история? О жизни, изрешеченной импульсивными решениями и упущенными возможностями. О

безрассудстве и тех ошибках, что ломают судьбы. О человеке, который, казалось, прожигал себя дотла, но при этом каким-то чудом умел покорять сердца. Он был словно дикий огонь, раздувающий пламя в каждом, в ком тлел ломкий хвост нерешительности. И если бы его не оказалось в моей жизни, то, я уверен, все могло бы повернуться совсем иначе. А я чертовски этого бы не хотел.

Однажды он просто сказал мне: «Знаешь, жизнь — это не заумная мудрость философов, скрытая за шифром загадочных фраз. И не просто набор моментов, которым, мол, надо научиться дорожить. Нет. Жизнь — это твой личный шанс совершать безумные, искренние поступки, те самые, что по-настоящему заставляют нервничать, чувствовать, презирать и выбирать. И, что самое главное, она всегда дает возможность найти того единственного, с кем ты пойдешь против всего мира и сможешь послать к черту всех остальных!»

Р. S. Посвящается моему лучшему другу — Грэгу.

И вот, как все начиналось...

Глава 1

Это был последний учебный день. Самый долгий, самый манящий и абсолютно невыносимый. Я, как и все мои нормальные сверстники, категорически не хотел идти в школу. Яркие лучи солнца нагло врезались в окна, безжалостно ослепляя мои сонные глаза.

— Миша, вставай! Ты опоздаешь в школу, — доносился мягкий голос откуда-то из параллельной вселенной.

— М-д-а-а-а... — промычал я в ответ, уходя на дно подушки.

Через пару минут тон сменился на строгий:

— Миша, вставай! Ты уже опаздываешь.

— Да мам... — пробурчал я, не открывая глаз. — Может, я лучше останусь дома?

— Мишка, вставай давай, последний день остался всего лишь, — в бой вступила тяжелая артиллерия в лице бабушки.

На это я издал жалобный, почти писклявый скулеж и вжался в матрас, надеясь, что меня амнистируют и забудут навсегда.

— Мишка! Всё, подъем. Времени в обрез, — не унималась тяжелая артиллерия.

— Я так вас всех люблю... хочу провести время с семьей... давайте просто все ляжем и будем спать.

— Эй, лежебока! — донесся звонкий голосок с порога. — А ну вставай! — заливаясь смехом, Вика подергала меня за волосы.

— Если не пойдешь в школу, вечером поедем в театр, — зайдя в комнату, произнесла мама с коварной улыбкой. — У тети Любы есть два запасных билета, и она нас пригласила. Там, кажется, будет потрясающий...

— Ооо, нет! — мгновенно прервал я. — Ладно, встаю! Вика, отстань! — буркнул я младшей сестре, которая никак не хотела выпускать из пальцев мои растрепанные вихры.

Предстояло одно из сложнейших испытаний в человеческой истории — покинуть кровать. Я с трудом свесил за борт этой теплой каравеллы сначала руку, потом ногу. А затем, подобно подпиленному стволу, на пол рухнуло и всё остальное тело. Пол был жестким и холодным, но мне было плевать. Я лежал плашмя, прижавшись щекой к линолеуму, как выброшенный на берег дельфин. Спустя минуту в комнату вошла мама и, аккуратно перешагнув через мое бездыханное тело, принялась заправлять постель.

— Миш, ну вставай же. Времени в обрез, — с обиженной ноткой в голосе произнесла она.

Как ни прискорбно, выбора не оставалось. Пришлось брести в ванную.

— Встал наконец-то, — сиявшая бабушка встретила меня в коридоре. — Ой, Мишка, ну и хохолок у тебя на макушке!

— Да-да, бабуль...

— Иди умывайся, собирайся. Наденешь костюм и покажешься нам во всей красе.

— Господи, зачем?.. — простонал я.

— Как это зачем? Надо! Я должна видеть, каким красавцем ты идешь в школу. И не забудь взять букет для Валентины Ивановны.

О боже... — взвыл про себя я, хотя моя физиономия и без слов транслировала всю скорбь этого утра.

Не успел я дойти до ванной, как с размаху впечатался мизинцем в косяк шкафа. Магия сработала мгновенно: сон слетел со смещением сустава. Этот день определенно решил не задаваться с самого начала.

В ванной я взял растрепанную синюю щетку, выдавил каплю пасты и принялся уныло елозить ею по зубам. В зеркале на меня смотрел безумный панк с торчащим хохолком, так что пришлось еще и мыть голову, чтобы хоть как-то усмирить этот взрыв на макаронной фабрике.

На кухне меня ждал традиционный утренний кошмар — манная каша с двумя сардельками. Мама прекрасно знала, что я на дух не переношу эту субстанцию, но из года в год упорно продолжала варить именно ее. Смирившись с неизбежным, я кое-как попил чаю и скормил себе сардельки. Услышав шаги приближающейся мамы, я молнией соскользнул с табуретки и помчался в комнату — спастись от второй волны родительской заботы.

— Миша, почему ты опять ничего не съел? — недоволь-

ный мамин голос настиг меня уже в дверях комнаты.

— Да мам! Я терпеть не могу эту кашу, ты же знаешь.

— Я что, зря старалась? Я всё утро тут кручусь ради вас!

— Так зачем ты каждое утро варишь именно её?

— Ну, ты скажи, что тебе приготовить.

— Я тебе каждый божий день говорю: не надо варить мне манную кашу!

— Ой, ну ладно тебе, давай хоть ложечку. Каша нежнейшая! Не иди на уроки с пустым желудком, — маман решительно зашла в комнату. В руке она держала ложку с манной массой, которая зависла надо мной, как бомбардировщик перед сбросом груза.

Пока я набирал в легкие воздуха, чтобы разразиться очередной пламенной речью о вреде манки для неокрепшего мужского организма, мама каким-то непостижимым, отточенным годами трюком умудрилась впихнуть в меня целых пять ложек. Против этой материнской магии физика была бессильна.

— Мишка, ты оделся? — донеслось из гостиной от бабушки.

— Да! — крикнул я, поспешно натягивая пиджак и пытаюсь проскочить в прихожую.

— Ну и куда ты намылился? А ну покажись, дай хоть поглядеть на тебя!

Так начиналось абсолютно каждое наше утро: бабушка с дедушкой вели неспешные светские беседы в гостиной, по-

ка мама, как белка в колесе с реактивным двигателем, металась между кухней и всеми нами — разносила завтраки и попутно пыталась удержать на месте мелкую сестренку Вика. Временами дом взрывался смехом, но чаще царил управляемый хаос. И только дедушка, невозмутимый как гранитная скала, упорно игнорировал суматоху, глядя в телевизор и размеренно отстукивая пальцами по подлокотнику кресла какой-то свой внутренний ритм.

Разумеется, бабушка своего добилась. Пришлось явить себя миру, выйдя на середину гостиной. На секунду все замерло, как в детской игре «Море волнуется раз». Даже Вика на своем любимом коричневом пуфике перестала расчесывать кудри и застыла с зеркальцем в руке.

А посмотреть было на что. Я стоял посреди комнаты в новеньком полосатом костюме и туфлях с тупыми носами, чувствуя себя как минимум Аль Капоне, собравшимся на важную стрелку с конкурентами.

— Ой, ну красавец же! — всплеснула руками бабушка, поправляя очки. — Все девчонки твои будут. Мишка, совсем взрослый мужчина вырос!

— Бабуль... — я картинно закатил глаза. — Всё, я побегал, иначе точно опоздаю.

— Беги-беги! И цветы не забудь!

В прихожей перед самым выходом во рту каким-то мистическим образом материализовалась шестая ложка манки. Схватив праздничный веник для Валентины Ивановны, я на-

конец-то вырвался на свободу.

На улице утро уже не казалось таким беспросветным. Нежные лучи майского солнца плавно скользили по верхушкам деревьев — да, я знаю пару красивых метафор и словечек. Прохладный ветерок приятно охлаждал лицо, возвращая к жизни. Мой план на день был прост и прекрасен: пережить школу, вернуться домой, залипнуть в компьютер, а вечером погонять с пацанами мяч на стадионе.

План-ураган, если бы не одна маленькая преграда — шесть бесконечных, смертельно скучных уроков.

В школе мой гангстерский прикид ожидаемо потерпел фиаско. Друзья от души постебались над моим пафосным видом, поскольку три четверти одиннадцатого класса явились в джинсах и мятых футболках. Впрочем, на русском языке мы знатно повеселились всем кабинетом, и я уже было решил, что фортуна повернулась ко мне лицом. Но на истории надежды разбились о суровую реальность.

Нашу историю вела Раиса Васильевна — женщина с характером заправского сталевара и взглядом, способным плавить чугун. Она почему-то с самого начала разглядела во мне скрытого гения. Видела во мне эдакий необработанный уголек, готовый вот-вот превратиться в сверкающий бриллиант. Мои трючные успехи по её предмету шли вразрез с этой великой теорией, и мои выпускные тройки по истории были для неё личной трагедией уровня отмены пенсий. В общем, в этот раз меня вызвали к доске, и я в очередной раз доказал

Райсе Васильевне, что углю суждено остаться углем.

Следом была алгебра. На ней не понимал происходящего вообще никто, включая, кажется, саму классную доску. Учительница под занавес года решила вколотить в наши головы логарифмы, но классу было откровенно фиолетово. Все ловили через открытые окна дурманные запахи наступающего лета. До нас лишь далеким фоном доносились её трагические пророчества о приближающихся выпускных экзаменах.

Кажется, единственным адекватным взрослым в этой школе сегодня была информатичка. Зайдя в класс, Любовь Георгиевна окинула нас понимающим взглядом и предложила сделку: мы просто тихо сидим и занимаемся своими делами, а она нас не трогает. В этот момент она стала для нас самой любимой женщиной на планете.

Но самое интересное событие этого дня — событие, которое я запомню на всю жизнь, — ждало меня на уроке музыки.

Я возвращался из столовой вместе с Лешкой Скворцовым, когда в коридоре у кабинета музыки заметил его. Рядом с нашим учителем, Аристархом Викторовичем, стоял странный тип.

Аристарх выглядел, как всегда, безупречно: тонкая водолазка, легкая небрежность в причёске, взгляд человека, который только что закончил сводить сложный трек. Но стоявший рядом с ним незнакомец... это был живой рок-н-ролл. Темная кофейная рубашка с расстегнутым воротом, в проре-

зи которой болтались темные очки, легкая кожанка поверх, потертые джинсы и кроссовки, выдавшие виды. Он выглядел как гастролер, который перепутал зал ожидания аэропорта с учительской.

Мы буркнули «здравствуйте» и шмыгнули в кабинет. Я сел за первую парту — место, которое в обычные дни проклинал, но сегодня оно стало моим персональным «центром прослушки». Аристарх Викторович, наш образец педагогической добродетели, дружил с этим типом? У меня в голове это никак не укладывалось. Уши сами собой превратились в локаторы.

— Гриш, посиди с ними один урок! Мне позарез нужно в «РайОНО», программу сдать. Пожалуйста! — Аристарх быстро жестикулировал, словно ловил невидимые частоты.

— О-о-о, опять твои темные делишки, — прищурился незнакомец.

— Да нет там ничего темного! Просто подменишь меня. Пожалуйста.

— Я не люблю детей, о чем ты? Да и они меня не любят.

— Ну... просто поставишь им пластинку. Пусть слушают. Прозвенит — отпустишь всех, и всё.

— Кого я им поставлю? — Григорий искренне поморщился.

— Там есть классика. Бах, Моцарт...

— Ты хочешь моей смерти? — Грэг даже передернулся.

— Я понимаю, что в этой школе истязают детей, но меня-то

за что?

— Что? — Аристарх вскинул бровь. — Ой, да ты же у нас светоч музыкальной эрудиции! Когда мы напивались, ты постоянно попрекал меня неточностью биографий. Или тем, что я не чувствую искусства. А теперь что, мои сэмплы для лоу-фай хауса — это «синусоиды для пенсионеров»? Ты мне должен, старик.

— Ага, пошли удары ниже пояса! — рассмеялся Григорий. — Прямо ножом по сердцу, мой дорогой друг. От кого-кого, а от тебя — от самого доброго человека на свете — я не ждал такой корыстности.

Аристарх внезапно понизил голос до возбужденного шепота, от которого у меня внутри всё сжалось:

— Я с ней разговаривал, Гриш. Так что теперь ты мне обязан помочь.

Григорий на секунду замер, и его ироничная маска треснула.

— Эй, ладно, ладно... — он вскинул руки, сдаваясь. — Ты глянь, как этот пылкий жеребец разошелся. Только один урок. И ни минутой больше.

— Отлично! Спасибо, Гриш! — Аристарх сгреб друга в охапку и с неожиданной силой приподнял над полом. — Черта с два, как же я рад тебя видеть! Столько лет!

Григорий, захлебываясь смехом, начал колотить учителя в плечо:

— Ну всё-всё! Хватит меня тискать, я тебе не котенок!

В его голосе звучала странная смесь веселья и какой-то щемящей нежности, как будто они и не расставались на годы, и в то же время пережили целую вечность.

— Почему бы тебе просто не отпустить их сразу? — спросил Григорий, неловко устроив подбородок на плече Аристарха.

— Да я бы с радостью, — учитель наконец опустил его на пол. — Но они же одиннадцатый класс, а орут так, будто четвертый. Директор заметит — мне конец. Тем более у них следующим уроком — литература, — Аристарх сделал особый акцент на последнем слове. — Ты с ней, кстати, уже виделся?

Григорий замолчал. Помолчал так долго, что я даже перестал дышать.

— Пока нет, — наконец выдохнул он с едва заметным смущением. — Заметил только со стороны.

Аристарх Викторович уловил реакцию друга и мягко улыбнулся. Это была не насмешка, а понимание чего-то гораздо более глубокого, чем просто неловкость. Я, притворившись, что увлеченно изучаю конспект, вытянул шею. Любопытство победило остатки благоразумия: я тихо встал из-за парты и, как заправский шпион, замер за косяком двери. Говорят, любопытной Варваре на базаре нос оторвали, но в тот момент мой нос волновал меня меньше всего.

Они стояли в коридоре, глядя друг другу в глаза. В воздухе буквально висела тайна, которую Аристарх разделял со

своим непутевым другом.

— Когда увидишься? — добросердечно спросил учитель.

— Хочу сделать сюрприз. Вроде американской стриптизерши, знаешь? Выскочить из торта в самый разгар банкета, — Грэг попытался вернуть себе привычный развязный тон, но голос на долю секунды дрогнул.

— М-да, ты никогда не изменишься, — вздохнул Аристарх. — И что она в тебе нашла тогда... Впрочем, Гриш, ты ведь в курсе, что у нее давно своя жизнь? Муж, дочь. Не обольщайся слишком сильно.

Грэг ответил мгновенно, с той самой дерзкой полуулыбкой, за которой удобно прятаться:

— Муж — не стенка, подвинется.

Но Аристарх не купился на эту браваду.

— Не делай глупостей, Гриш. Она и так хлебнула сполна. Сколько тебя не было? Пять лет? Семь?

Грэг слегка причмокнул, пряча глаза, и глухо выдохнул:

— Восемь.

— Восемь... — повторил Аристарх. — Для нее первые два года были целой вечностью. Думаю, ты и сам это понимаешь.

Наступила тишина. Грэг замер, уставившись в пол. Весь его напускной лоск бунтаря осыпался, как старая штукатурка. В глазах мелькнула тень такого сомнения и вины, что мне за дверью стало не по себе. Казалось, он прямо сейчас прикидывает в уме все эти три тысячи дней своего отсутствия.

— Я ничего не сделаю, — наконец произнес он, не под-

нимая глаз. — Прошло восемь лет. Она меня давно забыла, Аристарх. Если бы я даже хотел что-то изменить... у меня бы просто не вышло.

Аристарх Викторович посмотрел на друга с недоверием — он явно пытался понять, верит ли Грэг в то, что говорит.

— Ладно, — наконец произнес учитель. — Тогда я прежде этих бандитов и побежал.

— Давай. А мне нужно сделать один звонок.

Аристарх решительно зашел в класс.

— Так, тишина! Одиннадцатый «Б»! — его голос, обычно мягкий, сейчас прозвучал властно. — Мне нужно срочно уехать по делам. Сегодня урок у вас проведет настоящий музыкант — Григорий Игоревич. Прошу вас: не орать, вести себя как люди и слушаться его.

— Кажется, урок обещает быть нескучным, — раздался ехидный голос Матвея с третьей парты.

— Матвей, прекрати! — отрезал Аристарх. — Я могу на вас положиться?

— Да, Аристарх Викторович, не волнуйтесь. Вы же знаете, мы тише воды, ниже травы...

Учитель прикусил губу. Он бросил взгляд в коридор, где Грэг расхаживал у окна, прижав телефон к уху. Он что-то высматривал на школьном дворе, пока слушал гудки.

— Я не за него беспокоюсь... — прошептал Аристарх.

Он посмотрел на нас, и в его глазах я прочитал странную смесь тревоги и азарта. Было ясно: он волнуется за нас го-

раздо больше, чем за своего друга. И это было логично. Наш класс мог за пять минут довести святого до истерики, превратив любой урок в филиал сумасшедшего дома.

Аристарх быстро схватил портфель, кивнул нам и выбежал из кабинета. Но уже из коридора до нас донесся его голос:

— Грэг, звонок прозвенел! Смотри мне, не сделай с ними чего-нибудь!

— Иди уже, просветитель! — донеслось в ответ вальяжное и наглое. — Вечером встретимся. Не зря же я приехал.

— В последний раз, когда мы с тобой пили, приехала скорая... — напомнил Аристарх уже откуда-то с лестницы.

— Исчезни! — хохотнул наш новый «учитель». — На меня возложена величайшая миссия по окультуриванию молодежи. Начинаю сеанс магии!

Глава 2

Пока класс, будто разозлённый пчелиный рой, продолжал свой бессмысленный гул, в дверном проёме вдруг показалась лохматая голова Григория Игоревича. Он прищурился, оглядел нас — и в ту же секунду, словно по невидимому щелчку дирижёрской палочки, весь шум утих. Видимо, расчёска не входила в его утренние планы: причёска напоминала гнездо удивительно ленивой вороны. Но за этим бардаком угадывалась добродушная, немного наивная натура.

Словно фокусник, демонстрирующий коронный номер, он вынырнул в полный рост, фамильярно перекрестился на воображаемую икону и, с видом победителя, прошагал в класс, окидывая нас насмешливым взглядом.

— Ну, здравствуйте, детишки, — прозвучало неторопливо.

Класс автоматически встал. — Садитесь, садитесь, — помедлил он, усмехнувшись.

Григорий Игоревич сделал пару неуверенных шагов, похожих на пингвина на льдине, постоял, будто пытаясь понять, в каком он вообще помещении, и подошёл к столу. С видом исследователя, рассматривающего экзотическое животное, он принялся осматривать учительский хаос. По его лицу было видно одно: «Какого чёрта я здесь делаю?!» Сцена была комедийной до невозможности — он покопался в

одной стопке тетрадей, словно ищет философский камень, затем перетряс стопку пластинок, будто надеясь обнаружить там карту сокровищ.

— Что за бардак? — вдруг возмутился он.

Забавно это слышать, учитывая, что у Аристарха Викторовича на столе всё обычно в идеальном порядке: тетради по полкам, пластинки — по алфавиту. Мы, естественно, наблюдали, не отрывая глаз.

— Ну и что вы здесь проходите теперь? — уселся он на деревянный стул.

Класс молчал. Никто не спешил отвечать — вдруг нагрузят чем-нибудь лишним.

— Не молчите, мне и так страшно, — проговорил Григорий Игоревич с комичной надменностью.

Из последних рядов прозвучало робкое:

— Чайковского!

— Ооо, Пётр Ильич Чайковский, — потянул он, пытаясь выследить голос. — Кто-нибудь хоть что-нибудь про него знает?

Класс снова молчал.

— Глупый вопрос, — отрезал он и снова принялся копаться.

Наконец он вытащил квадратный конверт, достал пластинку, аккуратно продул её и поставил на патефон.

— Так, дети, — поднял он голову, — Чайковского тут не нашёл. У Аристарха — знатный бардак, но зато есть Сергей

Васильевич Рахманинов. Он вам тоже не понравится, поэтому послушаем.

Игла заскользила, в класс влился тяжёлый звук. Григорий снова закинул ноги на стол и ушёл в телефон. Казалось бы, должно было начаться что-то похожее на урок, но подростки быстро вернулись в привычное русло.

Алена с Оксаной шушукались на последней парте, обсуждая модные новости. Матвей кидал в воздух бумажные комочки, скатывая их в потных ладонях. Лёша Скворцов уложил голову на парту и, похоже, мирно спал. Аня, Марина и Яна обсуждали нового «экспоната» у стола. И только Света — отличница с первой парты — сидела, сложив руки, и вслушивалась в музыку, ловя каждый звук.

Света была классической «зубрилой». Из тех, кого в классе тихо недолюбливают за безупречность. Светлые волосы с вечно выющимися кончиками, голубые глаза и этот взгляд всезнайки. Если честно, она и меня подбешивала до зуда. Мы постоянно цеплялись по любому поводу. Помню, как-то на истории она при всех выдала, что я «глупый и мне пора бы повзрослеть». Скандал был знатный. Но если признаться самому себе (чего я никогда не сделал бы вслух), Света почти всегда была права. Кроме тех случаев, когда спорила со мной. Я быстро понял: в учебных предметах её не пережать, поэтому всегда старался перевести спор в «жизненное русло». Там-то я считал себя непревзойденным философом. Пожалуй, единственным её неоспоримым достоянием

была фигура: тонкая талия, выразительные бедра и очень даже симпатичная грудь.

Учителя её обожали, пророчили золотую медаль и ставили в пример нашей «анархической коммуны». В конце учебного года класс окончательно ушел в разнос. Дисциплина держалась только на уроках литературы. Ксения Анатольевна могла без видимой причины вцепиться в меня когтями и не отпускать до конца урока — особенно за то, что я за все одиннадцать лет не прочитал целиком ни одной книги. А иногда она, наоборот, сама предлагала помощь, чтобы подтянуть мои хвосты. Самая непонятная женщина в моей жизни. Она была похожа на одурманенную любовницу, чье настроение менялось со скоростью падающего метеорита.

Временами Григорий Игоревич поднимал голову, оглядывая класс. Но взгляд его был пустым, скорее «протокольным». Рахманинов заканчивался, учитель заводил пластинку по новой и снова утыкался в телефон.

Мне было смертельно скучно. Паша и Артем сзади подбивали на партию в карты, но даже это не вдохновляло. Время превратилось в кисель. Я положил голову на локоть, рассматривая одноклассников и лениво поглядывая в окно.

Вдруг, спустя минут пятнадцать, Григорий Игоревич резко поднял голову. Он решительно убрал ноги со стола и подошел к распахнутому окну. Рахманинов смолк. Класс притих, почуяв перемену. За окном заливались радостными криками те, кто уже закончил уроки. Счастливчики! От сво-

боды меня отделяло всего ничего, но этот остаток казался вечностью.

— Вам же безумно скучно, — разорвал тишину Грэг.

— Так отправьте нас домой, Григорий Игоревич! — тут же подхватил Матвей.

— Я бы с радостью, — отозвался тот, — но я обещал Аристарху Викторовичу... Тем более у вас следом литература. Чтобы вы тут окончательно не закисли, может, поговорим о чем-нибудь отвлеченном?

— Григорий Игоревич, но мы еще не закончили разбирать Иоганна Себастьяна Баха! — это Света, конечно. Кто же еще.

По классу прокатился стон. Снова она со своим отличническим рвением.

— Видимо, класс не разделяет вашего энтузиазма, — усмехнулся Грэг. — Боюсь, мадемуазель, вы в меньшинстве. Ну что ж... Раз уж у нас урок музыки, давайте обсудим: кому что реально нравится слушать?

Класс впал в ступор. Видимо, чтобы спасти нас от очередного круга Рахманинова, Матвей выдавил:

— Прогрессив-хаус.

— Что? Есть и такая музыка? — Грэг приподнял бровь. — Ну и чем же она тебя так цепляет?

Матвей немного замешкался под его взглядом.

— Ну-у... там энергия. Она заставляет двигаться.

— И как именно она тебя «заставляет»? — на лице Грэга проступила снисходительная улыбка.

— Ну, это... необъяснимо. Ритм качает, и ты просто танцуешь. Ноги сами идут.

— Понятно. Значит, прогрессив-хаус, — Грэг задумчиво кивнул. — Если я правильно себе это представляю, это когда ноги превращаются в копыта, монотонно стучащие по полу, а голова окончательно улетает в невесомость, наполняясь спасительной пустотой?

Матвей нахмурился. Было видно, что такое сравнение ему совсем не по душе.

— А вам тогда какая музыка нравится? — с явной ноткой возмущения бросил Матвей. — И вообще, почему вы говорите, что эта музыка плохая, если она нравится миллионам? Ее каждый день слушают миллиарды людей!

— Отличный аргумент для верующего, надеюсь, ты не атеист, — хмыкнул Грэг.

Признаюсь честно: мало кто в классе въехал в эту шутку, но, осознав ее пару секунд спустя, я улыбнулся.

— И как мне могла бы понравиться твоя музыка, — продолжил учитель, — или хотя бы как я должен понять, что это за направление, если ты не в состоянии мне объяснить ее суть?

— Так вы послушайте ее сами! Вы судите о том, чего совсем не знаете, — не унимался Матвей.

— Интересный принцип. Но, полагаю, в жизни он тебе сильно не мешает, — слова легким птичьим крылом слетели с губ нашего нового учителя.

Остроумия в этом было маловато — по крайней мере, судя по скептическим лицам моих одноклассников. Грэг же выглядел так, будто только что триумфально разгромил маленького нахала. А может, ему было просто глубоко плевать на наше мнение.

Во всяком случае, на сторону Матвея тут же встали еще несколько человек, зашумев и критикуя категоричность «залетного» учителя. У меня даже мелькнуло чувство, что многие в этот момент посчитали его обычным выскочкой, возмнившим себя слишком умным для общения с молодежью.

— Думаю, многие из вас не особо сильны в законах логики и построения аргументов, но это же не мешает вам спорить друг с другом целыми днями? Не так ли? — спокойно парировал он.

— Да с чего вы это вообще взяли?! — возмущенно бросила со своего места Света.

— Ну хотя бы потому, что вы регулярно разговариваете с друзьями, подругами, родными... например, о любви. Разве нет?

Матвей что-то неопределенно промычал в ответ.

— Большинство из вас наверняка даже уверены, что уже любили или любят прямо сейчас, — мягко улыбнулся Григорий Игоревич. — Но подумайте: так ли много вы на самом деле о ней знаете? Я не утверждаю, что знаю больше вас. Возможно, даже значительно меньше. Но когда вы рассуждаете о любви, разве вы не пытаетесь выразить свои чувства?

Что для вас значит это слово? Какой смысл вы вкладываете в него в своем мире? Конечно, всех слов мира не хватит, чтобы описать это состояние, но вы все равно ищете их. Вы вкладываете в них душу. То же самое и с музыкой.

В классе повисло молчание. Я заметил, как многие отвлеклись, уставившись в пустоту — каждый думал о своем. А Григорий Игоревич, не меняя позы, продолжал сидеть на подоконнике; его пронизательный взгляд вдруг перестал казаться отстраненным.

— Мне нравится рок-музыка, — тихо произнес он, глядя прямо на Матвея.

— Григорий Игоревич... — раздался голос с задних парт.

— Да? И прекратите называть меня по отчеству. Зовите просто Грэг.

— Как доктор Хаус¹? — тут же сострил Павлик.

— Ага. Только намного умнее, — ухмыльнулся он. — Что ты хотел спросить?

— А в какой группе вы играли? Аристарх Викторович говорил, что вы настоящий музыкант.

— Да? А Аристарх не уточнил, что по совместительству вы вампир и возглавляю клан оборотней?

Наши главные школьные сплетницы — Аня, Марина и Яна — заодно захихикали.

¹ «Доктор Хаус» — герой культового сериала про гениального и невероятно циничного врача, который ходил с тростью, всех троллил и считал, что «все врут». Любимый кумир каждого подростка, пытающегося выглядеть крутым и мрачным.

— Вы что, смотрели «Сумерки»²? — с широкой улыбкой спросила Алёна.

— Ну, грешен, не без этого.

Не знаю почему, но после этих дурацких шуток лед окончательно треснул. Класс заулыбался, и всеобщее напряжение испарилось, уступив место живому интересу.

— Грэг... — я замялся, впервые обращаясь к учителю по имени. — А почему вам нравится именно рок?

— Эх, а я-то надеялся, что вы благополучно забыли, — Грэг покачал головой. — Почти успел соскочить с темы. Ну что ж... Рок-музыка. Пожалуй, мне не хочется думать, что я просто люблю её. Приятнее осознавать, что я сам — это рок. И я могу объяснить это только самыми простыми, ненаучными словами. Рок ближе всего к моей жизни, всё, что в ней происходило и происходит, крутится вокруг него. Я говорю о тех моментах, когда в твоих собственных поступках звучит музыкальный ритм. Ни для кого не секрет, что мы выбираем музыку под стать своей душе и образу жизни. Она всегда с чем-то связана: с любовью, дружбой, безумными приключениями или личными трагедиями. Думаю, суть в том, что я следую за своей музыкой, а она буквально преследует меня. Рок — это ведь не просто грохот барабанов и визг гитар, как принято думать. Это крик души и одновременно наркотик

² «Сумерки» — ну, это такая сага про вампиров и оборотней, где красивая, но очень бледная девушка выбирает между двумя очень красивыми, но очень бледными парнями. Короче, мечта всех девчонок нашего класса, которая свела с ума полмира.

для уставшего сердца. Объяснений может быть миллион, и все они будут верными. Но самое главное — суметь донести это до другого. И цель тут не в том, чтобы что-то доказать, а в том, чтобы сначала разобраться в самом себе.

— Но как это — музыка следует за нами? И почему она не может просто... ну, нравиться и всё? — прервала его Света.

В её голосе уже не было прежней менторской колкости. Скорее, искреннее любопытство.

— Я не говорю, что она не может просто нравиться, — Грэг тепло улыбнулся. — Я к тому, что если ты залипаешь на конкретное направление, стоит спросить себя — почему? Ведь это прямой слепок твоей души. А почему музыка преследует нас? Всё просто. Мы сами её создаем, выискиваем её отзвуки в окружающем мире. Песня — это ведь гораздо больше, чем набор звуков, запертых на виниловом диске. Каждый аккорд сам по себе может быть неказистым, но собранные вместе, они рожают симфонию. И мы накладываем её на отпечатки нашего прошлого, настоящего и будущего. Когда песня проникает под кожу, она становится твоей тенью. Она ходит за тобой повсюду.

Класс слушал его, затаив дыхание. Мы сейчас напоминали стайку диких енотов, которым вынесли какое-то невероятное угощение, и они жадно, замороженно впились в него глазами. Даже Матвей забыл про свою вечную маску недовольства и сидел, приоткрыв рот.

— Расскажите еще про рок, — тихо попросила Света.

Никто в кабинете не ожидал, что наша правильная отличница Света спросит про рок-н-ролл. Кажется, в этот момент школьные часы над доской на секунду замерли от удивления.

— Честно говоря, мне и самому трудно подобрать правильные слова, — признался Грэг, помолчав. — Но эта музыка — всё, что у меня есть. Без этого звукового сопровождения моя жизнь была бы бесцветной пресной кашей. Рок заставляет меня дышать, чувствовать, задумываться над тем, насколько всё в этом мире бренно. За каждым гитарным запиллом стоит живая эмоция, которую кто-то когда-то передал, и совершенно неважно, в каких трущобах или на каких стадионах это писалось. Главное — рок живет. Из-за него я совершал самые глупые, самые романтические и безумные поступки в своей жизни. Под хорошую музыку делать глупости куда веселее. И, что самое главное... весь мой рок так или иначе связан с моей любимой женщиной.

Он на секунду замолчал, и эта пауза вышла тяжеловатой...

— Но я не призываю вас всех поголовно косухи натягивать, — Грэг тряхнул головой, разгоняя нахлынувшие мысли. — Слушайте что хотите. Главное — умейте объяснить себе, что именно вы чувствуете, когда играет музыка. Ну что, парень, — Грэг прищурился, глядя на Матвея, — я ответил на твой вопрос?

— Кхм... — Матвей слегка поперхнулся, явно не ожидая такого прямого обращения. — Да. Пожалуй, да.

Грэг перевел взгляд на меня и тепло улыбнулся. Я сидел

с совершенно обалдевшим видом, раздавленный не столько его словами, сколько той колоссальной искренней энергией, которую он излучал. Он казался абсолютно распахнутым, но за этой открытостью я физически чувствовал тайну. Какую-то запрятанную глубоко внутри боль.

Это было странно. Я ведь никогда раньше не задумывался о том, какую роль музыка играет в нашей жизни. Но пока Грэг говорил, я лихорадочно перебирал в голове собственные воспоминания и понимал: черт возьми, а ведь он абсолютно прав.

В памяти мгновенно всплыл один день. Нас со Светой тогда отпустили с физкультуры, и мы сидели вдвоем в пустой рекреации. Болтали обо всем на свете и бесконечно смеялись. Если честно, именно тогда мне впервые подумалось, какая у нее невероятно милая улыбка и как приятно её смешить. А потом, уже дома, я раз за разом включал в наушниках одну и ту же песню и представлял, как мы сидим со Светой под огромным звездным небом, и наши слова свободно перетекают друг в друга, словно красивая игра. В те минуты мне до дрожи хотелось просто обнять ее и поцеловать.

Оказывается, Грэг прав. Доставая эти мысленные фотографии из пыльного сейфа памяти, я всё больше убеждался: музыка оставляет на нашей жизни гораздо более глубокие отпечатки, чем мы привыкли думать.

Я видел наш класс таким впервые за все одиннадцать лет. Мы все, не отрываясь, смотрели на Грэга горящими глазами,

внезапно погрузившись в размышления о самых простых, но важных вещах. За эти годы случались дискуссии, бывало весело, но сейчас в кабинете разлился какой-то совершенно особый, ни на что не похожий аромат переплетающихся эмоций и тишины.

— А расскажите о женщине, которую вы любите, — вдруг спросила Оксана.

Грэг театрально схватился за сердце:

— Ах вы бесчувственные! По самому больному бьете. Так и знал, что живым я отсюда не выберусь. Все вы, женщины, коварные создания!

— Ну расскажите!.. — дружно зашумел класс.

— Да чтоб я еще хоть раз согласился подменить вашего непутевого Аристарха! Ни за что!

— Просто вы кажетесь умным, но при этом жутко беззаботным, — вдруг громко выпалила Света, прервав его шуточные причитания. — Ведете себя так, будто вам на всех плевать. Вот и интересно, какая женщина смогла вас зацепить. Ведь с ней вы наверняка становитесь совсем другим.

Кабинет мгновенно затих. Все как один повернули головы к Грэгу, пораженные таким сокрушительным и неожиданным выпадом нашей всегда правильной отличницы.

— А я смотрю, ты здесь самая умная? — Грэг прищурился, глядя на нее. — Что ж, мадемуазель, держи заслуженную двойку за урок.

— Рассказывайте уже, — непреклонно отрезала Света,

проигнорировав угрозу.

В этот момент она мне определенно нравилась больше, чем за все одиннадцать лет нашей учебы.

Отношение класса к этому «залетному гастролеру» изменилось бесповоротно. Он перестал быть учителем. Для каждого из нас Грэг стал старшим товарищем, который общался на равных, без фальши и снисхождения.

Грэг посмотрел на Свету.

В его взгляде промелькнуло что-то странное — словно он отчаянно хотел что-то сказать, но дико боялся выдать себя. Он попытался что-то невнятно промямлить, выдать привычную шутку, но у него впервые ничего не вышло. Со стороны это выглядело настолько забавно и непривычно, что класс понимающе заулыбался. Наш новый друг был обезоружен.

— Что ж... ладно, — наконец сдался Грэг. — Но играть будем по моим правилам. Мой рассказ пойдет под музыкальное сопровождение группы «ДДТ»³. Сами понимаете, нужно добавить истории правильного драматизма. Согласны?

— Да! Давай! — послышалось со всех сторон.

— Кто-нибудь вообще слышал об этой банде? — спросил Грэг, сосредоточенно копаясь в телефоне в поисках нужного трека.

³ «ДДТ» — культовая рок-группа во главе с Юрием Шевчуком. Музыка, под которую принято смотреть в окно поезда, грустить о прошлом и понимать, что настоящий русский рок — это не просто аккорды, а исповедь.

Он обвел класс взглядом. Ребята лишь недоуменно переглядывались и крутили головами. Я робко поднял руку:

— Я слышал.

Света тут же бросила на меня быстрый, недовольный взгляд — словно я покусился на её единоличное право быть самой умной в глазах Грэга. Но уже через секунду её глаза потеплели. Она повернулась к учителю и добавила:

— Я тоже их слышала.

Грэг так и расплылся в хитрой ухмылке:

— О, любители классического рока подъехали! Ну привет, новая парочка нашего класса!

Кабинет взорвался дружным хохотом. Мои уши мгновенно вспыхнули пунцовым цветом, а Света быстро отвернулась, делая вид, что её безумно заинтересовал вид за окном.

— Значит, больше никто? Да, тяжело с вами, молодежь, — покачал головой Грэг. — Что вы вообще слушаете, кроме своего прогрессив-хауса?

Ответом ему была тишина, наполненная предвкушением. Грэг нажал кнопку воспроизведения, и...

— «Это всё, что останется после меня». Немного отойдём от рока и окунёмся в содержание текста. Это авторская песня и, на мой взгляд, одна из лучших песен в нашей стране. Её исполняет Юрий Шевчук. Песня с глубоким смыслом. Не знаю, возможно, вам она не понравится, но таковы условия моего рассказа. Заодно вы немного приблизитесь к пониманию человеческой души. Главное — постарайтесь не просто

услышать песню, а почувствовать её.

Грэг подключил колонки к телефону и нажал большим пальцем. Класс замер. Через секунду зазвучала музыка.

Он медленно повернулся, оглядывая нас и выискивая первую реакцию. Затем снял кожаную куртку, бросил её на стул и подошёл к окну, закатывая рукава кофейной рубашки до локтей.

— Ах да, вы не против, если я здесь ещё и покурю?

Не дожидаясь ответа, он сам за всех решил:

— Ну вот и отлично. Только никому ни слова. Особенно Аристарху Викторовичу.

Грэг забрался на подоконник, перекинул одну ногу через раму и уселся, свесив её наружу. Из кармана джинсов он достал синюю пачку сигарет, дважды постучал сигаретой о твёрдый край подоконника и зажал её губами. Зажигалка щёлкнула, и прозрачные клубы дыма поплыли в свежий летний воздух.

На лицах одноклассников застыл пустой взгляд. Но это была не скука и не безразличие. Скорее, каждый из нас ненадолго провалился в собственные мысли. Песня вытаскивала из памяти забытые картины и заставляла задуматься о том, что нам действительно дорого.

Это было удивительно. Мы знали Грэга меньше часа, но он уже обладал каким-то необъяснимым даром притяжения.

Сам он сидел на подоконнике и курил, глядя в голубую даль. Его взгляд стал задумчивым, чувственным. Казалось,

музыка тоже вернула его в прошлое — к чему-то очень дорогому. В ярком солнечном свете глаза Грэга едва заметно блестели.

Он казался разгильдяем и нарушителем всех возможных правил. Порой его поведение раздражало, но рядом с ним всё равно хотелось разговаривать. Возникало ощущение, что Грэг способен обсуждать что угодно — от рок-музыки до смысла жизни. Даже его шутки, ещё недавно казавшиеся глупыми, теперь звучали иначе.

Это был самый необычный человек из всех, кого я встречал. В нём странным образом сочетались показная простота и широта мысли, нахальство и притягательность, раздражение и желание слушать дальше. К Грэгу невозможно было относиться однозначно.

Песня перешла в последний припев. Света повернула голову в мою сторону — словно время на мгновение замедлилось.

У меня сильно забилося сердце. Я почувствовал что-то странное, почти пугающее: будто боялся больше никогда её не увидеть. Её глаза притягивали меня, и я незаметно для себя утонул в этом взгляде, забыв о собственной гордости.

Песня закончилась, и мы все постепенно вернулись из своих тёплых воспоминаний в школьный кабинет.

— Вы можете не курить? — первой нарушила тишину Света.

— Почему?

— Как это — почему? Мне плохо от запаха табака. И вообще, мы в школе.

— И?

— В смысле — «и»? Мы ещё дети.

Грэг усмехнулся:

— Странно. А ведёте себя так, будто хотите, чтобы с вами считались как со взрослыми. К тому же вы уже в одиннадцатом классе. Кто из вас ещё не курит и не пьёт? — Он оглядел класс и тут же смягчился: — Но ладно, маленькая принцесса. Сейчас брошу.

Он сделал ещё пару затяжек, затем погасил сигарету о подошву кроссовка и убрал окурочок обратно в пачку.

Света посмотрела на него с явным неодобрением, но спорить не стала.

Грэг сполз с подоконника и подошёл к телефону. Когда одна композиция заканчивалась, её сменяла другая. В музыке слышались фортепиано, скрипка, гитара и барабаны — необычное сочетание классики и рока.

Он немного убавил звук и снова забрался на подоконник. Теперь музыка должна была сопровождать его рассказ.

— Ну что именно вам рассказывать? И с чего начать?

Я вспомнил разговор Грэга с Аристархом Викторовичем о женщине и поднял руку.

— Подождите... А вы ведь с Аристархом Викторовичем лучшие друзья?

— Да, — ответил Грэг, слегка смутившись. — А к чему

такой вопрос?

— А где сейчас эта женщина? — спросил я, решив идти напролом.

Грэг прищурился, покачал головой и усмехнулся:

— Хм, вот оно как! А ты, оказывается, маленький ворюшка. Ходишь и подслушиваешь чужие секреты, шельмец? Двойка тебе за урок.

— Так и где она? — я проявил настойчивость, чувствуя, что нащупал золотую жилу.

— Если ты думаешь, что у тебя получится прижать меня к стенке так же легко, как у этой мадемуазели, — Грэг кивнул на Свету, — то ты крупно ошибаешься, парень.

— Ну вы сегодня ответите нормально или как? — тут же перехватила инициативу Света.

Грэг с притворным недоумением развел руками:

— Да как тебе это удастся? Ладно, сдаюсь. Спроси лучше у своей второй половинки, — он хитро кивнул в мою сторону. — Судя по его хитрому виду, он уже всё раскопал.

Весь класс дружно обернулся и уставился на меня. Света тоже повернулась, удивленно приподняв брови.

— Давай, выкладывай, раз уж заварил эту кашу, — подмигнул мне Грэг. — Иди до конца.

— Она работает в нашей школе, — твердо выдал я.

Кабинет дружно ахнул. Тишина мгновенно взорвалась шёпотом, спорами и предположениями. Девчонки за партами взволнованно зашушукались.

— Это правда? — Света пристально посмотрела на Грэга.

— И кто это?

— А ты отгадай, чертовка!

— Марина Владимировна? — тут же предположила она.

— Ты решила просто перебрать всех по списку? А я-то думал, ты ратуешь за логику и дедукцию! — Грэг разыграл глубокое разочарование.

— Здесь всего три варианта, — веско заявил я, окончательно входя в роль сыщика. — Если, конечно, сопоставить факты и учесть ваш возраст. Сколько вам? Предположим, тридцать шесть.

Поскольку Аристарх Викторович не раз рассказывал, как они с Грэгом в своё время протирали штаны в этих самых стенах, круг подозреваемых сужался на глазах. Из незамужних или гипотетически подходящих учительниц в школе было всего трое.

Первая — Марина Владимировна, англичанка. Но там без вариантов: образцовая семья, сын, дочка, муж. Да и по характеру она настолько тихая и бесконфликтная, что Грэга с его ураганным темпераментом придушила бы своей правильностью в первый же день. Тоска смертная, ему бы с ней стало скучно на второй минуте.

Вторая — Виктория Яковлевна, физичка. Вот у неё характер — чистый тротил. Взрывается с пол-оборота. Растит ребенка одна, мужа нет. Вполне рабочий вариант для такого бунтаря. Они бы отлично смотрелись вместе на каком-ни-

будь байкерском фестивале.

И, наконец, третья — Ксения Анатольевна, наша литературша. Безумно красивая, притягательная, но... У неё дочка Рита и муж. Да и ужиться эти двое точно не смогли бы. Они бы истязали друг друга до полной потери пульса. Чистая драма, без шансов на выживание.

Завершив этот титанический мозговой штурм, я победно обвёл класс взглядом и выдал вердикт:

— Итак, Грэг, моя дедукция подсказывает, что вариантов ровно три. Марина Владимировна отпадает — там образцовый домашний очаг с мужем и детьми. Ксения Анатольевна тоже мимо — у неё муж и дочка. А это значит, что вся надежда остаётся только на Викторию Яковлевну. У неё взрывной характер, есть ребёнок, но главное — вакантное место супруга. Вывод очевиден.

— Так это Виктория Яковлевна? — Света нетерпеливо подалась вперед, глядя на Грэга.

— Давайте договоримся так, — Грэг загадочно улыбнулся, устраиваясь поудобнее на подоконнике. — Я начну рассказывать вам историю, а вы угадаете сами. Во-первых, так гораздо интереснее. А во-вторых, вы не получите мою тайну слишком легко.

— Идет, рассказывайте, — деловито согласилась Света.

— С чего же начать...

Оксана, не сводя восторженных глаз со своего внезапного кумира, тихо спросила:

— А как вы познакомились?

В этот момент Грэг окончательно превратился для женской половины класса в героя приключенческого романа. Сплетницы на «камчатке» расплылись в мечтательных улыбках. В воздухе запахло романтикой с лёгким налётом запретного плода и бунтарства.

— Как познакомились? Что ж... Только давайте договоримся: вместо её настоящего имени я буду называть её Ласточкой. И было это так...

Глава 3

Декабрь выдался по-настоящему сказочным. Крошечные резные снежинки плавно скользили из высокого, светло-голубого неба. Звенел звонок, зазывая на очередной урок, а солнце, лениво выглядывая из-за пушистых облаков, робкими лучами пыталось пробиться сквозь заиндевелые окна школы. На подоконниках снаружи выросли пухлые снежные шапки, а внутри, в теплых коридорах, гудел привычный улей детских голосов и шелестели страницы учебников.

Но стоило прозвенеть последнему звонку, как школьники, словно выпущенные из клетки птицы, с победным криком высыпали во двор. Позади осталась нудная зубрежка — впереди ждала настоящая снежная круговерть.

Гриша, пятиклассник с вечным шилом в одном месте и неумейной энергией, летел в первых рядах. Они с пацанами вихрем вырвались на крыльцо, где уже разворачивались нешуточные баталии. По негласному дворовому кодексу, в этой забаве участвовали только мальчишки, мгновенно разделившиеся на два воинствующих лагеря.

— Так, парни, давайте скидываться, — деловито предложил Гриша, на ходу затягивая шарф.

— Да чего тут скидываться? — шмыгнул носом Никита. — Давай мы с тобой, Ромка и Паша — в одной банде. А они все — против нас.

— Ну нет уж! — возмутился с противоположной стороны Олег. — Тогда отдавайте нам Ромку или Гришу! Так нечестно!

— Да какая разница, мы вас и так уделаем! — крикнул задиристый Кирилл.

— Короче, делимся как есть? — уточнил Гриша. — Тогда расходимся по позициям!

— Ага, расходимся, — заговорщически ухмыльнулся Кирилл.

Гриша перехватил этот хитрый взгляд соперника и мгновенно раскусил его маневр. Не теряя секунды, он запустил руку в пушистый сугроб. Пальцы сжали холодную массу, превращая рассыпчатые хлопья в ледяное ядро.

По невидимой команде, мальчишки брызнули в разные стороны, рассеиваясь по двору. В поисках укрытий они ныряли за обледеневшие клумбы — те самые, где летом буйно цвели яркие пионы и гвоздики, чей сладкий аромат теперь полностью уступил место колючему запаху мороза.

Воздух взорвался гамом, хохотом и свистом летящих снарядов. Кто-то отчаянно верещал от восторга, кто-то с опаской вжимал голову в плечи. Главным шиком было залепить противнику прямо в лоб — такой точный выстрел приносил команде вечную славу. К бушующему хаосу подключались всё новые бойцы: из дверей школы один за другим выкатывались ребята из параллельных классов. Буквально за полчаса двор превратился в настоящее поле боя с хитрыми за-

садами, стремительными прорывами флангов и тактически-ми отступлениями.

— Гриша! Собирай своих и заходи справа! Мы ударим по центру, прикроем вас огнем! — скомандовал старшеклас-ник Лешка с интонацией прожженного боевого генерала.

Гриша коротко кивнул и, махнув рукой своим бойцам, рванул в обход вдоль забора. Они пробирались под прикры-тием облепленных снегом деревьев, уворачиваясь от свистя-щих над головой снарядов, как опытные партизаны.

— Арик, дави! — заорал Гриша на бегу, координируя пра-вый фланг. — Тут не прорваться! Жмите сильнее в центре!

В эти минуты каждый из них чувствовал себя не просто пацаном в промокших варежках, а настоящим героем, вер-шащим судьбу великого сражения. Мальчишки бросались на амбразуры, прикрывая друзей собственными спинами. На заснеженном пятачке разворачивалась великая батальная драма, где ковался характер и пробуждалось первое муже-ство.

Алексей — самопровозглашенный маршал — всё-таки дождал оборону противника в центре. Враг дрогнул и отсту-пил. Победители с победным ревом заняли чужие сугробы. Объявили временное перемирие.

Уставшие, мокрые до нитки «солдаты» без сил валились в снег. Кто-то боролся, в шутку мутузя друга, а самые мет-кие устроили соревнование — пытались попасть снежком в ствол старого тополя в тридцати шагах от крыльца.

И тут на школьный двор выкатилась новая волна учеников. Пацаны из параллельного класса, почуяв легкую добычу, заняли позиции у самого входа и открыли шквальный огонь по дверям, намертво заблокировав выход для девчонок.

— Давайте в зубрилу! — и в ту же секунду в неё полетел первый ком снега.

За первым снарядом посыпались другие, твердые, как камни. Ласточка в отчаянии металась, пытаясь увернуться от снежного града, проскользнуть мимо обидчиков, но все её усилия были напрасны.

— Да хватит, прошу вас! Дайте пройти! — её тонкий голосок дрожал.

— Топай-топай, — насмешливо бросил один из хулиганов, подбрасывая в руке очередной снаряд.

— Эй! Хватит! Чего вы к ней прицепились? — возмущенно рывкнул Гриша, подскочив к нападавшим.

— А тебе-то что? Уйди, — угрожающе заявил здоровенный Пашка.

— Чего вы к девчонке всей толпой привязались? — Гриша встал между ними и Ласточкой. — Лучше с нами поиграйте, там равных себе по силе найдёте!

— Отвали, придурок, последний раз говорю! — прорычал предводитель нападавших. Его лицо перекосилось от злобы. Он с силой запустил снежный ком прямо в Ласточку.

Раздался глухой удар. Снежный снаряд со всей мощью

врезался девочке в голову. Слезы хлынули из её испуганных глаз, прокладывая блестящие дорожки по бледным щекам. Ошеломленная от боли, она схватилась за пострадавшую голову и, давась рыданиями, бросилась обратно в спасительные двери школы. А одноклассники, глядя на её страдание, лишь разразились злобным хохотом.

— Чего ржёте?! — грозно спросил Гриша.

Снежок, запущенный Пашкой, прилетел Грише в грудь. Мальчишка мгновенно взбесился. Его кулаки сжались. Он, как маленький вихрь, бросился на обидчика. Друзья Пашки отошли в сторону и принялись орать: «Паша, давай! Ну, давай же!» А сам Пашка, лежа в снегу, плакал и кричал: «Отстань! Помогите!» Некоторые просто стояли, затаив дыхание, наблюдая за бойней.

Гриша успел врезать ему пару раз, как вдруг его за шкирку, словно провинившегося котенка, оттащила учительница.

— Немедленно прекратить! — её голос прогремел, как гром среди ясного неба. — Ты что, правил не знаешь?! Драки в школе запрещены! За мной! К директору, живо! — это была Снежана Михайловна. — И ты, мой бедный, тоже пошли со мной, — уже с большей мягкостью обратилась она к рыдающему Паше.

Учительница, словно стальным захватом, вцепилась в руку Гриши и, почти волоча его за собой, повела провинившегося прямо к кабинету директора, который находился на третьем этаже.

— Паша, побудь пока в классе. Я скоро буду, — бросила она на ходу, не останавливаясь.

Директор, Евгения Алексеевна, была поглощена мирской суетой: торопливо заполняла горы бумаг, связанных с учебными планами. Настойчивый стук нарушил тишину кабинета.

— Евгения Алексеевна? Можно? — Снежана Михайловна завела в кабинет с собой понурого Гришу.

— Что у вас?

— Да вот, полюбуйтесь, — Снежана Михайловна с неприкрытым недовольством посмотрела на маленького сорванца.

— Так, — директриса надула губы. Евгения Алексеевна была похожа на гранитную скалу — такую же нестигаемую и массивную. — Что на этот раз? — грозно бросила она.

— Подрался он, — ответила Снежана Михайловна за ученика.

— Подрался? С кем?

— С Павлом Симоновым из моего класса. Я выхожу на улицу, а он сидит на нём верхом и бьёт по лицу.

— Ты совсем с ума сошел? — Евгения Алексеевна грозно уставилась на Гришу. — Ты головой думаешь, что творишь? Так, немедленно вызвать мать в школу! А он пока пусть посидит в классе, — обратилась она к Снежане Михайловне. — А Павел как?

— Синяк будет, наверное. Я ему сказала подождать меня в классе.

— Ладно, я поняла. Идите к Милене Владиславовне. Пусть она с ним посидит, она же его классный руководитель. И скажите ей, чтобы сейчас же вызвала его мать в школу. А Павла отправьте к Римме Николаевне на осмотр.

После этих слов Гриша со Снежаной Михайловной вышли из кабинета директора и спустились на первый этаж.

Снежана Михайловна, передав Милене Владиславовне все подробности инцидента и суровое распоряжение директора о немедленном вызове мамы, исчезла, оставив Гришу наедине с собственными страхами. Он сидел за последней партой в пустом классе, дожидаясь неотвратимого финала — маминого лица, искаженного гневом.

В этой тишине он вдруг услышал странный звук. Кто-то крался к двери. Робкие, нежные шаги, словно порхание бабочки, замерли у порога. Маленький хулиган внутри него интуитивно почувствовал: это пришли к нему. Гриша затаил дыхание.

Сначала из-за косяка показался пушистый помпон зимней шапки, затем — ровные детские пальчики, вцепившиеся в край проема, и, наконец, всё личико. Оно было несчастным до боли: глаза опухли от слез и покраснели, а на щеках горел яркий румянец.

— Я слышала, что ты сделал, — прошелестел тихий голос Ласточки. — Все мальчишки на улице только об этом и говорят.

Он молчал. А что сказать? Гриша ждал выволочки от ди-

ректора, а не этого визита.

— Спасибо, — всё так же несмело добавила она.

— За что? — буркнул он.

Она замялась, краснея еще сильнее.

— За то, что защитил меня.

— Да не тебя я защищал, — выпалил он первое, что пришло в голову. Гордость была его щитом, Гриша ведь прекрасно понимал: если кто-то узнает, что он полез в драку из-за девчонки, его засмеют до конца школы.

Обида обожгла её, Ласточка дернулась, готовая убежать, но какая-то невидимая сила пригвоздила её к месту. Она знала, что он просто упрямый болван, но его слова всё равно задели её за живое. Внутри разлился страх — она почувствовала себя глупой, ненужной. Сердце заколотилось, щеки вспыхнули не только от мороза, но и от жгучего стыда. Ей хотелось просто провалиться сквозь землю.

Уже на пороге она вдруг замерла. В голове что-то щелкнуло: *«Стоп! Он просто слишком упёртый, чтобы признать очевидное. Но ведь он поступил по совести!»* Она резко развернулась. Заметив, как защитник сидит, ссутулившись, словно нашкодивший щенок, она вдруг отбросила всю свою робость.

— К директору сейчас пойдешь? — спросила она с искренней заботой.

— Да, — отрезал он.

— Давай скажем, из-за чего ты на него налетел!

— Да? И из-за чего же?

— Чтобы меня защитить! — воодушевленно выпалила она, запрыгивая в класс.

— Да не из-за тебя! — Гриша снова отмахнулся, чувствуя, как внутри всё кипит. — Чего привязалась? Иди давай, пока не досталось.

— Ну и дурак! — у неё дрогнул голос. — Я тебе помочь хочу, а ты сидишь тут, выеживаешься, как король. Я сама сейчас пойду к директору и всё расскажу!

— Стой! Не ходи никуда! — он подскочил с места.

— Что, боишься, что засмеют? — в её глазах блеснул вызов.

— Нет. Просто не ходи, — повторил он, глядя в окно. — С тобой потом никто общаться не будет.

И в этот момент с глаз Ласточки будто спала пелена. До неё вдруг дошло: мальчик боялся вовсе не за себя! Он оберегал её. Ведь если она пойдёт к учителям, то в глазах класса мгновенно станет стукачкой, и её просто вычеркнут из жизни. Жестокие школьные порядки — неофициальный, но железобетонный кодекс, где работает своя, извращенная правда.

— Как тебя зовут? — робко спросила Ласточка, присаживаясь на край соседней парты.

— Гриша, — не поворачивая головы, ответил он, делая вид, что увлечённо рассматривает узоры инея за окном.

— А меня... Ласточка.

Повисла тишина. Та самая, когда слова становятся лишними. Когда дети, ещё не испорченные взрослой фальшью, чутко чувствуют сердцем то, чего не способны разглядеть глаза. Оба смущались, но оба понимали: прямо сейчас они защищают друг друга. По-детски, без громких клятв, но абсолютно искренне.

— Как твоя голова? — разорвал паузу Гриша.

— Да нормально. Болит немного, но шишки вроде нет.

— Дай посмотрю.

Девочка сняла шапку. Гриша поднялся со стула и словно опытный доктор, пальцами ощупал её макушку.

— И правда, ничего нет, — подытожил он свой «осмотр».

— Но этот ваш Паша всё равно получил по заслугам. Холодное прикладывала?

— Да...

Коридор неожиданно заполнился порывистым стуком каблучков. Дверь распахнулась. В класс вошла учительница, а за ней — мать Гриши, Анна Юрьевна. На её лице лежала печать глубокой, выматывающей усталости. Казалось, она тащила на себе неподъёмный груз повседневных проблем, и каждая новая выходка сына лишь прибавляла тяжести.

— А ты кто? — учительница строго уставилась на девочку.

— Я?.. Я друг Гриши, — едва слышно произнесла Ласточка.

— Собирайся домой, «друг». А Гриша сейчас идет к ди-

ректору.

Ксения выходила из кабинета с тяжёлым сердцем, раз за разом оглядываясь на Гришу. Он сидел там, словно связанный по рукам и ногам. В её голове крутился отчаянный план: развернуться, прибежать к директору и всё выложить, защитить этого странного, но такого настоящего парня. Но сердце колотилось где-то в горле, сковывая ноги страхом.

Она лишь стояла в коридоре и смотрела, как её заступника ведут на этот смертный приговор. Снежана Михайловна, Анна Юрьевна и маленькая фигурка нарушителя скрылись за поворотом.

Так и завязалось это странное знакомство. История, которой суждено было застрять в паутине неловкости и невысказанных чувств на долгие-долгие годы. Как застывший снимок из прошлого, который невозможно стереть и который до сих пор берedit душу. Судьба сыграла с ними в свою игру, оставив их наедине с этим глупым смущением на веки вечные.

Глава 4

— Собственно, вот так всё и было, — подытожил Грэг, спрыгивая с подоконника.

— Пойдите-ка, — тут же вскинулась Света. — Вы сказали: Снежана Валерьевна и Милена Владиславовна... Так это же наши учителя из начальных классов! То есть вы учились именно в этой школе? И познакомились здесь же?

— Именно так, — с легкой улыбкой кивнул Грэг.

У девчонок в классе буквально загорелись глаза. Честно говоря, пока Грэг травил эту байку, женская половина аудитории сидела завороченно, хлопая ресницами и принимая такие одухотворенные лица, будто они не в душном классе сидят, а смотрят мелодраму в кинотеатре. Смотреть на это было одновременно смешно и жутко неудобно. Лично я, например, сомневался в правдивости рассказа: слишком уж приторно-романтической казалась эта история для пятиклассек.

— Ну что, есть у кого-нибудь варианты? Кто догадался? — обвел нас взглядом Грэг.

— Блин, у вас реально крутая история знакомства, — растроганно выдохнула Оксана. — Но по ней вообще невозможно понять, кто это! Больше половины учителей нашей школы когда-то здесь учились.

Мы даже не заметили, как пролетел звонок. Время испа-

рилось. Магическая атмосфера, которую этот ненормальный залетный учитель создал в классе, напрочь стерла все мысли о конце урока. Всем нам теперь было интересно только одно: кто же та загадочная женщина, которая работает в нашей школе и сумела обуздать этого дикого бунтара?

— Раз у вас глухо с дедукцией, спросите лучше о чем-нибудь другом, маленькие изверги, — усмехнулся Грэг. — А хотя нет, стоп! Теперь моя очередь задавать вопросы.

— Ваша очередь? — возмутилась Света.

— Ну а вы как думали? Искренность не дается даром. Раз я перед вами открылся, теперь ваша очередь платить по счетам.

— И что же вы хотите знать? — скрестила руки на груди Алёна.

— Мой вопрос будет адресован прекрасной половине класса... то есть, парням, — поправился он с издевательской ухмылкой. — Но перед этим я всё-таки закурю.

Девчонки синхронно и тяжело вздохнули. Видимо, окончательно растворились в его чарах. Грэг чиркнул зажигалкой.

— Итак, парни, кто из вас... — он сделал театральную паузу, — был или прямо сейчас по уши влюблен? А ну-ка поднимите руки!

Класс взорвался девчачьим хихиканьем. Ну это было уже за гранью! О чем он вообще думал? Кто в здравом уме при всем классе признается в таком? И с какой стати мы должны

играть по его дурацким правилам?

Света вдруг резко обернулась и в упор посмотрела на меня. Ей-то от меня что понадобилось?! Нет, своими провокациями Грэг окончательно настроил против себя всю мужскую половину одиннадцатого «Б».

— Ого, как много желающих, глаза разбегаются от обилия поднятых рук, — саркастически протянул Грэг, глядя на пустой воздух. — Ладно, зайдем с другой стороны, раз уж тут собрались сплошь конспираторы. Кто из вас вообще считает себя мужчиной?

На этот раз большинство парней уверенно вскинули руки вверх.

— Ну конечно. Мужчин в мире всегда больше, чем поступков, — хмыкнул Грэг. — К примеру, ты, Олег.

Почему ты считаешь себя мужчиной?

Олег замялся, но ответил:

— Эм... Ну, я как минимум отличаюсь от девушек анатомически, — хохотнул он под одобрительный гул класса. — Да и веду себя соответствующе. Может, я пока и не зарабатываю миллионы, но могу помочь родителям. Да и вообще... Разве способность заступиться за слабого и отстаивать свои принципы — это не показатель? Многие вон только пьют да матом ругаются.

— То есть ты думаешь, что наличие этих качеств автоматически делает тебя мужчиной? Кто разделяет его мнение?

Снова большинство парней подняли руки.

— Возможно, главное — это просто развиваться, — включился в разговор я. — Чтобы окружающие и та же девушка видели, на что ты вообще способен.

— Интересно. Ладно, — резюмировал Грэг. — Я вот сам точно не уверен, мужчина я или нет. Но даже если да, то явно какой-то неправильный. Хотя добрый, искренний и душой не кривлю, — он гордо вскинул подбородок с наглой улыбкой. — Но у меня вопрос к знатокам: разве биологический пол — это единственное, что определяет мужчину или женщину?

— Но мы же сказали: настоящий мужчина должен уметь защитить и стоять на своем! — возразил Матвей.

Девчонки были откровенно недовольны нашими попытками сформулировать суть мужского начала — на каждое слово они либо картинно вздыхали, либо качали головами, будто мы — дремучие дикари из каменного века.

— Тогда вопрос на засыпку: то, что вы сейчас назвали, — это мужской поступок или это и есть «быть мужчиной»? — не унимался Грэг.

Класс замолчал. В воздухе повисла тишина, в которой каждый пытался нащупать ответ, но нащупывал лишь пустоту.

— Разве мужчина — не тот, кто просто совершает правильные поступки? — спросил я, чувствуя себя ужасно неуверенно.

— Да, именно! — выкрикнул кто-то с задней парты.

— Хорошо, но смотрите, — Грэг подался вперед, — такие поступки может совершать и женщина. Взгляните на свои семьи. У многих отцов нет. Ваша мама заменяет обоих: она и защитник, и добытчик, ей приходится тянуть то, что в патриархальных сказках считается сугубо мужской работой. Разве поэтому мы должны называть её мужчиной?

Я задумался. В моей семье отца никогда не было — он ушел, когда я был еще маленьким, и маме пришлось стать для меня целым миром. Мне было легко представить, о чем говорит Грэг. Но в то же время внутри всё бунтовало: если мама — это и есть мужчина в доме, то кто тогда я? Я окончательно потерялся.

— Вы нас специально путаете? — спросил я, чувствуя, как краснею.

— А разве получается? — усмехнулся Грэг. — Если получается — значит, вы сами не имеете ни малейшего понятия, что это такое. Иначе бы не плутали в трех соснах.

Черт возьми! Он снова попал в точку. Будь мы хоть на грамм уверены в своих определениях, мы бы давно забросали его аргументами. А вместо этого — гробовое молчание.

— А по-вашему, что означает это слово? — не выдержала Света.

Грэг прикрыл глаза, подбирая слова.

— Я и сам не знаю точно, но в голову приходят два понятия: стена и защита. Если упростить... — он сделал паузу, — мужчина и женщина для меня — это части одной

стрелы. Наш мир — это колчан, полный самых разных стрел. Мужчина — это наконечник, женщина — оперение на другом конце древка.

Класс замер в недоумении. Никто не понимал, к чему он клонит. Грэг, заметив наши растерянные лица, продолжил:

— Какая цель у выпущенной стрелы?

— Поразить цель, — машинально ответила Света.

— Верно. Наконечник разрезает воздух и все преграды, прокладывая путь остальной части. Оперение же направляет стрелу, чтобы она попала точно в яблочко. Если оперение приделано криво, стрела теряет баланс, летит кувыркком и ломается о землю. Если наконечник тупой и мягкий — он никогда не достигнет цели. А древко — это то, как люди строят отношения. Чем гармоничнее связь между наконечником и оперением, тем крепче летит стрела.

Это было... поразительно. Никто не проронил ни слова. Мы сидели, ошеломленные этой картинкой.

— Может, кто-то не согласен? — Грэг обвел нас взглядом.

— По-моему, это полная бессмыслица, — выпалил Матвей.

— Возможно, — спокойно кивнул Грэг. — Я не претендую на истину в последней инстанции.

— Нет, нет, это так! — внезапно поддержала его Оля.

— Точно, — подхватила Света.

— Ого, время-то как летит! — Грэг взглянул на часы. — Урок уже закончился двадцать минут назад!

Мы все переглянулись в шоке. Как?! Я даже не заметил, как пролетело время. Мне ведь еще полчаса назад хотелось выть от скуки, а теперь...

— Так! Давайте... — начал Грэг, но договорить не успел. Дверь резко распахнулась.

— Аристарх, ты не знаешь, где... — голос осекся.

Это была Ксения Анатольевна. Она замерла в проёме, как вкопанная, с широко распахнутыми от ужаса глазами, уставившись прямо на Грэга. Наш учитель, еще секунду назад философствовавший на подоконнике, неуклюже спрыгнул вниз, до сих пор сжимая в зубах дымящуюся сигарету.

В классе повисло такое молчание, что, казалось, мы все разом перестали дышать. Напряжение в воздухе можно было резать ножом. По этому острому, испепеляющему взгляду Ксении Анатольевны даже самому тупому стало ясно: это не педагогическое возмущение. Это личное. Она не просто знала Грэга — она была буквально раздавлена его присутствием.

В следующую секунду, словно в замедленной съемке, дверь с грохотом захлопнулась, впечатывая тишину в наши уши. От удара по стене посыпалась известка — будто рухнула невидимая стена, которую она строила все эти годы. Мы, ошеломленные, переглянулись. Никто и представить не мог такую бурю эмоций от нашей обычно сдержанной и подчеркнуто корректной литераторши.

— Так, дети, — Грэг попытался вернуть себе серьезный

тон, — я думаю, вам лучше...

Договорить он не успел. Дверь снова распахнулась. Ксения Анатольевна влетела в класс, одним резким движением выхватила сигарету прямо изо рта Грэга и швырнула её в открытое окно. Её ноздри раздувались, грудь тяжело вздымалась под строгой блузкой. Было видно, каких титанических усилий ей стоит не сорваться на крик прямо при нас. Я помню этот момент в деталях — любопытство просто сжигало меня изнутри. Всё! Пазл сложился!

— Идиот! — выплюнула наша учительница литературы, всегда так радеющая за культуру речи, и вылетела из класса, снова оглушительно хлопнув дверью.

Мы сидели в абсолютном шоке. Никто не ожидал от неё такого, и никто не понимал, как на это реагировать. Даже Грэг, обычно не лезущий за словом в карман, замер на месте, как вкопанный. Мы переглядывались, то и дело поглядывая на дверь, ожидая третьей волны.

И она не заставила себя ждать. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в голову Грэга полетел увесистый классный журнал. Он едва успел уклониться, чуть не вывалившись в окно вслед за своей сигаретой. Хлопок. Тишина.

И тут до всех дошло. Это был, пожалуй, самый невероятный урок за все одиннадцать лет школы. Та самая девушка из истории Грэга, та «Ласточка», в которую он был влюблен — это наша Ксения Анатольевна! Мы и не подозревали, что в её лексиконе в принципе существует слово «идиот».

Грэг не произнес ни слова, лишь коротким жестом велел нам сидеть тихо. Но это было лишним: мы и так замерли, как голодные зрители на премьере триллера, боясь пропустить хоть звук. При всей серьезности момента, в ситуации было что-то ироничное и безумно романтическое. Между нами словно вспыхнул древний, тайный огонь, который заинтриговал меня до дрожи.

Грэг выскочил в коридор, прикрыв за собой дверь. Мы тут же, как по команде, прильнули к ней, пытаясь разобрать хоть слово.

— Ксюш! — донесся голос Грэга.

Послышались быстрые шаги.

— О, Грэг, привет! Ты приехал? Как дела? — голос Ксении Анатольевны звенел от сарказма. — А теперь подожди... ты идешь в жопу!

Затем голоса стихли, перейдя на шипение и шепот. Я стоял плечом к плечу со Светой, вжимаясь ухом в дверное полотно.

— Что там? — шепнул Пашка сзади.

— Тссс! — шикнул я. — Ни черта не слышно.

— Открой дверь, посмотри незаметно, — прошептала Света прямо мне в ухо.

Только я потянулся к ручке, как шаги в коридоре стали громче и направились прямо к нам. Мы в рассыпную бросились по местам. Дверь открылась, и в класс вошли Ксения Анатольевна и Грэг. Она уже взяла себя в руки, но щеки еще

пылали лихорадочным румянцем.

— Так, класс! Почему вы не на литературе?! — грозно спросила она, обводя нас взглядом. — Я ищу вас по всей школе! Где Аристарх Викторович?

— Он в «РайОНО», — ответил я, стараясь не выдать своего волнения. — Вместо него теперь Григорий Игоревич.

Ксения Анатольевна одарила меня таким испепеляющим взглядом, что мне стало не по себе. Примерно так же на меня иногда смотрела Света, когда я делал что-то не то, и я послушно замолкал, даже не понимая почему.

— Живо все на литературу! — властно приказала она.

— Ну, Ксения Анатольевна, последний же день! — неожиданно вступилась Света. — Осталось меньше двадцати минут до звонка. А Григорий Игоревич рассказывает нам... очень интересные истории.

У всех на лицах застыло неизмеримое удивление. В этот момент Грэг, стоя за спиной нашей литераторши, на слова Светы о «интересных историях» ярко приложил палец к губам, всем своим видом показывая: «Молчать!». Ксения Анатольевна, заметив наши улыбки, явно что-то почувствовала. Она резко обернулась, но Грэг успел убрать палец ото рта, и это выглядело еще смешнее.

— И какие же истории он вам рассказывал? — Ксения Анатольевна буравила нас взглядом.

— Никакие, — нарушил своё молчание Грэг, с абсолютно невинным видом. — Так, говорили о музыке. Бах, Рахмани-

нов, ну и другие певцы.

— Это — композиторы, — отрезала она, делая акцент.

— Вам, конечно, виднее, моя королева. И вообще, когда вы правы, то правы. С этим не поспоришь, — Грэг чуть ли не кланялся, рассыпаясь в комплиментах.

А знаете, Грэг был гениальным клоуном! Мы просто давились смехом от его ужимок и взбешенной реакции Ксении Анатольевны. Он так искусно пытался скрыть правду, что мне до зуда хотелось всё выложить.

— Ксения Анатольевна, ну пожалуйста! — слышалось из класса. — Последний же день!

В этот момент на самой последней парте с грохотом проснулся Кирилл. О нем все давно забыли: он мирно бродил по просторам своего разума, уютно укутавшись одеялом сна. Последние слова, что он слышал, были о том, как Ксения Анатольевна разрешила классу остаться и послушать еще истории Грэга.

— Грэг, а Расскажи ещё про любовь! — выкрикнул он, потирая глаза. — Расскажи, какой ты сделал самый романтический поступок в своей жизни!

Грэг посмотрел на Кирилла так, словно спрашивал: «А ты кто вообще такой и откуда взялся?»

Ксения Анатольевна медленно повернула голову на своего бывшего «защитника». Её глаза горели, а щёки налились тем самым румянцем, который я уже видел. Все прильнули к этой картине, ожидая продолжения.

— Ха-ха, — натянуто хохотнул Грэг. — Парню просто очень понравилась история про Бетховена и его любовь жизни, Изабеллу.

Мы все прекрасно понимали, что никакой Изабеллы в жизни Бетховена, скорее всего, не существовало, но Ксения Анатольевна на этот раз промолчала.

— Ну, тогда послушаем его истории. Давайте, Григорий Игоревич, рассказывайте, — произнесла наша литераторша. Она прошла по классу, величественно усевшись за последнюю парту, словно королева, отдающая приказ своему провинившемуся подданному.

— Эм... Хорошо. Значит так, Людвиг ван Бетховен... В его жизни...

— Нет-нет, — прервала его Ксения Анатольевна, сверкнув глазами. — По-моему, вопрос прозвучал по-другому? Ребята хотели услышать о самом романтическом поступке в вашей жизни. Так что, давайте, просим. Класс ведь этого хочет?

— Да-да! — с огромными, счастливыми улыбками послышалось со всего класса. В этот момент мне хотелось крикнуть: «Прости, Грэг, но это куда интереснее, чем литература!»

— Кхм... Чёртовы дети... — еле слышно пробурчал Грэг, сдаваясь.

— Что-что? — тут же поймала его Ксения Анатольевна. — Это так начинается ваша история?

— Нет-нет. Говорю, чертовский день тогда был. Прекрасный.

— А, ну продолжайте.

— Стоит сделать пометку, — Грэг поднял палец, — что вместо имени мы условились эту девушку называть Ласточкой.

Ксения Анатольевна надула губы и сжала челюсти. Её взгляд переместился с Грэга на нас, затем обратно на него. Кажется, она окончательно поняла: этот наглый, безбашенный учитель рассказывает о ней.

Грэг, немного помолчав, начал свой рассказ. Рассказ о самом романтическом поступке в его жизни.

Глава 5

Кажется, это был конец восьмидесятых. Время, когда нас со Светой даже в проекте не было, а наши родители ещё ходили на дискотеки в варёнках и с пышными начёсами.

Зимним вечером в нашем небольшом городке гремел праздник — традиционный фестиваль молодёжных талантов. Девчонки и парни самых разных возрастов должны были выступать на сцене перед родителями, друзьями и строгими судьями. Номинаций было хоть отбавляй: «лучший голос», «лучшее стихотворение», «лучший коллектив» и всё в таком духе.

Всё это действо принимал Детский дворец молодёжи. Это монументальное здание, построенное ещё в советские времена, за последние двадцать лет реставрировали от силы раза два. Оно напоминало грузный прибрежный утёс с облупившейся у самого фундамента штукатуркой и забавной расписной крышей, похожей на соломенную хижину. И только искристые снежинки, кружившиеся в лучах жёлтых фонарей, придавали этому суровому месту по-настоящему сказочный вид.

Гриша подходил к главному входу вместе со своей бандой, на ходу обмениваясь колкими шуточками с Аристархом. Настроение у всех было на высоте. К одиннадцатому классу у них сколотилась сплочённая компания: Грэг — бессменный

заводила и мозг шайки, который с завидным упорством вытягивал всех в самые безумные авантюры; Ксения — некогда робкая, тихая девочка, выросшая в потрясающую девушку с чистой, искренней душой, способная одним взглядом утихомирить пылкий нрав своего героя; Аристарх — беззаботный, весёлый и опрометчивый парень, который обожал влезать в любые заварухи в поисках высшей справедливости; Артём — рыжий, кучерявый, правильный до скрежета зубовного парень, который во всём до сих пор беспрекословно слушался маму; Марина — мечтательница, витающая в облаках в поисках великой и вечной любви, но при этом обладавшая вполне себе пацанским характером и хваткой; Алиса — невероятная красавица с длинными выющимися волосами и точёными чертами лица, которая вертела парнями, как колечком на пальце.

Время от времени к этому костяку прибивались и другие ребята — Егор, Кирилл, Руслан, Алина и Вика, но та шестёрка оставалась неразлучной.

В этот вечер компания пришла во Дворец с важной миссией — поддержать Ксению. Но у Грэга, конечно, был свой шкурный интерес. Шёл второй месяц их запутанных, хрупких подростковых отношений. Они не могли прожить друг без друга и дня, с головой провалившись в свою первую, настоящую и чистую любовь.

Друзья сидели в душном зрительном зале, зевая, поглядывая на часы и с нетерпением ожидая, когда на сцену вы-

зовут их подругу. Ей предстояло читать стихи собственного сочинения в номинации «лучшее стихотворение».

Будем честны: до чужой поэзии банде не было никакого дела. Парней и девчонок интересовало совсем другое — по-быть вместе, обсудить насущные планы, втихаря выпить и просто поболтать обо всём на свете. Поэтому вели они себя вызывающе: громко перешёптывались, отпускали глупые, а порой и довольно пошлые шуточки, ловя на себе недовольные взгляды взрослых. Спасало их лишь то, что в зале они были далеко не единственными такими «ценителями прекрасного».

Пока друзья хохотали и подкалывали друг друга, юный Грэг нетерпеливо вертел головой, выискивая в толпе Ксюшу. Она стояла у самого входа за кулисы, взволнованно оглядывая зал.

— Извините, дайте пройти, — бурчал Грэг, пробираясь сквозь ряды кресел. — Ну как ты тут? — спросил он, подойдя к ней вплотную и заглядывая в испуганные глаза.

— Гриш, я так волнуюсь, места себе не нахожу! — Ксюша сунула ему в руку помятый тетрадный листок. — На, прочитай быстро... Может, мне вообще не выходить? Ну его?

— Ты с ума сошла? — Грэг бережно сжал её плечи. — Ты выйдешь и прочитаешь так, что все челюсти пороняют! А я буду слушать тебя прямо из первого ряда.

— Да я же проважусь... — прошептала Ксюша, растерянно опустив голову.

— Так, послушай меня. Плевать на них всех. Я здесь, твои родители здесь — мы все с тобой. Посмотри на зал, — Грэг заговорщически улыбнулся. — Вон, видишь мужика в третьем ряду? Он же буквально в носу ковыряется прямо сейчас.

— Фу, Гриша! — сморщилась Ксюша.

— Да я тебе говорю! Смотри, он, кажется, там золото намыть пытается!

Ксюша опустила голову и мило захихикала.

— Грэг, прекрати, это ужасно! — возмутилась она сквозь смех.

— Опа, уже «Грэг»? Вот так, значит? Только что был Гришенькой, а теперь официально — Грэг?

— Да всё, хватит! — она шутливо пихнула его в плечо. — Скажи лучше, что мне делать?

— Да погоди ты, смотри, он реально клад оттуда тащит! — тихо рассмеялся Грэг.

Ксюша взглянула на зрителя, не выдержала и тоже залилась звонким смехом, мгновенно забыв о сковывающем страхе.

— Боже мой! — выдавила она, прикрывая рот ладошкой. — Ну помолчи хоть минуту, мне же сейчас на сцену!

— Ладно, ладно, — пробурчал Грэг, но его взгляд тут же опять метнулся к «копателю» в зале.

— Гриша! — сердито прошипела Ксюша.

— Всё, всё, — Грэг моментально посерьезнел. Нежно взял

её за плечи. — Давай поговорим честно. Не важно, каким будет этот стих — хорошим, плохим. Важно, что его написала ты. А это значит, в нём есть частица твоей души. Эти люди... — он кивнул в зал, — они не услышат слов, не поймут смысла. Как бы ни старались. Но я — я пойму. Твои родители тоже. Если честно, я бы не смог вот так, запросто, взять и вывернуть душу наизнанку перед толпой.

— Нет, ты всё можешь, — покачала головой Ксюша.

— Не всё. Ты же знаешь, как мне было сложно, до дрожи, признаться, что ты мне нравишься до безумия. Ты сильнее меня, Ксюш. А я... я порой как дурак. Я вижу и понимаю многое: как люди лгут, как они действуют против себя, чего хотят и от чего бегут. Но признаться тебе в своих чувствах... сказать, что ты для меня значишь... Это было для меня очень непросто.

— Гриш... — Ксюша нежно посмотрела на него своими карими с зеленью глазами.

— Что?

— Ты такой милый сейчас, — прошептала она, чувствуя, как внутри всё трепещет от его близости. Рядом с ним она всегда ощущала себя маленькой девчонкой.

— Да ну тебя... — смутился Грэг. Он помедлил и добавил уже более твёрдо: — Всё у тебя получится. Обещаю.

Их интимную перепалку прервала Кристина Алексеевна. Мама Ксении возникла из-за кулис, словно выкатившийся танк. Она одарила Грэга неодобрительным взглядом, и па-

рень мгновенно понял — пора ретироваться.

Грэг был как кость в горле. Кристина Алексеевна считала его беспечным и ветреным, вечно влипающим в сомнительные истории. Но хуже всего было то, что он, по её мнению, отвратительно влиял на дочь. Она не раз видела, как Ксюша, заливаясь счастливым смехом, заканчивала очередной телефонный разговор с ним, а через секунду её лицо вытягивалось, словно солнце вдруг спряталось за тучи. А уж когда от дочери начало пахнуть табачным дымом, Кристина Алексеевна и вовсе приходила в неконтролируемое бешенство. Все матери такие: готовы уберечь своих детей от любой опасности. Грэг это прекрасно понимал, поэтому старался не попадать в её поле зрения и сдерживал свой пыл, когда был наедине с Ксюшой, лишь бы она возвращалась домой счастливой и без лишних проблем.

Как-то раз, после их очередной ссоры, Кристина Алексеевна «случайно» наткнулась на сложенную вчетверо записку, выпавшую из кармана джинсов дочери. Ну как «случайно»? Она дождалась, пока Ксения уйдёт в душ, и перешла в привычный режим строгой инспекции. Развернув почерканный тетрадный лист с неровными, размашистыми строчками, она въелась взглядом в текст. Там не было ничего криминального — лишь дерзкие, пылкие признания вперемешку с зовущими на ночную прогулку глупостями. Но Кристине Алексеевне хватило и пары абзацев, чтобы сделать для себя однозначный и весьма неприятный вывод об этом «Грише».

На следующий день она твердо дала понять дочери: «Он несерьёзный. И лучше бы тебе с ним не общаться».

На тот момент Грэг действительно производил впечатление легкомысленного молодого человека, вечно генерирующего хаос. Таковым его считали и многие другие. Все. Но только не Ксения. Она провела с ним уже слишком много времени, чтобы понять: за этой дерзкой маской скрывались глубочайшие переживания. Её поражала его чуткость к другим людям. Он умел видеть то, что скрывалось за внешним фасадом, понимал всю сложность человеческих отношений. И, что самое главное, Грэг вдохновлял её на поступки, на которые она никогда бы не решилась сама, хотя всегда этого безумно хотела. Он всегда был рядом. И даже когда их разделяли дни и километры, она всё равно слышала его голос, чувствовала нежные объятия его рук и то, как их губы сливаются в поцелуе. И даже этот ненавистный мамой табачный дым стал для неё своим, родным и очень важным.

Грэг вернулся на своё место в зале и принялся нетерпеливо ждать выхода Ксюши. Ещё несколько человек успели выступить. Читали Есенина, Маяковского, а некоторые девушки из всех сил пытались передать всю страсть стихов Ахматовой. За это время друзья успели ещё пару раз посмеяться над кем-то, кто слишком сильно старался. И вот — наконец-то настал черёд Ксюши!

— А сейчас на сцену выйдет ученица одиннадцатого класса школы №1 Ксения Теплова со своим стихотворением:

«Смех»! Давайте её поприветствуем!

Девушка вышла на сцену. Её движения были неуверенными, выдавая сильное волнение, которое, казалось, окутывало её тонкой вуалью. Песочное платье мягко струилось вокруг её стройной фигуры, а красивая причёска, собранная в аккуратный пучок с выпущенными у висков локонами, придавала ей особый шарм и утончённость.

Сделав небольшой шаг вперёд, Ксюша взяла микрофон. Дыхание на мгновение сбилось, но она собралась, закрыла глаза и начала читать стихотворение. Её голос, хоть и дрожал в самом начале, звучал искренне, с глубоким чувством, мгновенно притягивая внимание всей аудитории.

«Смех — броня от судьбы»

Смех — это броня от судьбы,

Ирония — щит от тоски и обид.

Смейся, пока есть ещё силы лгать,

Что всё хорошо и душа не кричит.

Смейся над первой любовью тех лет,

Когда рвалось сердце птицей в груди,

Когда клялись в вечности — выпал лишь след,

Забытая строчка на том пути.

Смейся над верностью дружбы хмельной,

Что, словно хрусталь, от шага дрожит.

Смейся, когда у тебя за спиной

Чужая зависть тишиной шипит.

Смейся над мамой, что тихо вздыхает

О детстве твоём, ушедшем без слов.

Смех — это маска, что слёзы скрывает

От правды, в которой не зажило.

Смейся над папой, что молча сидит,

Устав от забот, что на плечи взвалил.

Смейся, пока не раздастся тот крик,

Когда ты поймёшь, что всё упустил.

Смейся над жизнью — театром абсурда,

Где роли даны без смысла и схем.

Смейся над смертью, что ждёт ниоткуда,

Пытаясь сбежать от вечных проблем.

Но в тишине, когда кончится бал

И смех растворится ночной тишиной,

Нам остаётся забытый причал

И сердце, где горечь зовётся судьбой.

Так смейся, пока ещё можешь любить,

Хоть роль наша в этом театре — разлука.

Пока не оборвана тонкая нить,

И смех глушит боль от фальшивого звука.

Зал замер. Последние строки повисли в тишине. Никто не хлопал — люди просто переваривали услышанное. Стихотворение было настолько недетским, настолько пронзительным и колючим, что у взрослых в жюри на секунду вытянулись лица. Кристина Алексеевна сидела в третьем ряду, побелев как полотно. Она впервые слышала то, что её тихая, правильная дочь прятала глубоко внутри.

А Грэг... Грэг сидел в первом ряду, не мигая глядя на сцену. В его груди всё сжалось в тугую комок. Он знал, что она талантлива. Но он не знал, что её душа кровоточит вот так — тихо, красиво и безнадежно. В этот момент он понял, как сильно он её любит и как отчаянно хочет защитить от этого жестокого мира, о котором она написала.

Ксюша опустила микрофон. На секунду её плечи поникли от напряжения, но затем она робко подняла глаза и встретила взглядом с ним.

Грэг не удержался и поднялся во весь рост, а затем пронзительно свистнул, заложив пальцы в рот. Его свист прорезал аплодисменты и сразу выдал, насколько сильно его впечатлило выступление Ксюши.

Несколько бабушек недовольно обернулись. На их лицах без труда читалось: «Ну и молодёжь пошла». Но Грэгу было до этого примерно столько же дела, сколько снегу прошлой зимой. Он продолжал хлопать, сияя как начищенный самовар.

Напряжение выступления постепенно отпустило Ксюшу, хотя сердце всё ещё колотилось после пережитого волнения. Она поклонилась и, воспользовавшись первой возможностью, поспешно скрылась за кулисами.

Грэг не стал ждать. Он решительно двинулся вдоль рядов, обходя всех, кто попадался на пути. Ему нужно было увидеть её как можно скорее.

— Ну как? — взволнованно спросила Ксюша, едва он подошёл.

Грэг с улыбкой посмотрел на неё. На щеках девушки играл лёгкий румянец, лицо сияло, а сбившееся дыхание выдавало, насколько сильно её переполняли эмоции.

— Вначале ты немного запнулась, — начал он с серьёзным видом, будто входил в состав жюри. — Но потом быстро собралась. Само стихотворение очень глубокое и красивое — с иронией, драматизмом и всем необходимым набором душевных потрясений. Мне понравилось.

— Правда?

— Правда. Ты точно должна войти в тройку. Ты молодец. Он ненадолго замолчал и добавил:

— Я бы так не смог.

— Блин, у меня сердце чуть не выпрыгнуло! — призналась Ксюша.

Её руки тут же ожили: она разводила ладони, сжимала кулаки, прижимала их к груди и снова начинала жестикулировать, будто пыталась выплеснуть наружу всё пережитое. Глаза сияли, улыбка никак не сходила с лица.

— Я заметил, — рассмеялся Грэг. — Но ты умница. Уверен, ты войдёшь в тройку. А если не войдёшь, то они явно...

— Не ругайся, — предупредила Ксюша, улыбнувшись.

— Хорошо. Ну что, пойдём, моя мадемуазель?

Грэг галантно подставил ей руку, будто они участвовали в сцене из старого фильма о любви.

— Ты сегодня какой-то слишком милый. Совсем на себя не похож, — заметила Ксюша.

— А ты сегодня никак не можешь от меня отстать.

— Пойдём, — с тёплой улыбкой сказала она и взяла его за руку.

Они вернулись в зал и заняли свои места.

— О-о-о, поэтесса! — воскликнул Аристарх. — Всё, сегодня обязательно отмечаем. На одного разгильдяя в нашей шайке стало меньше!

— Вы собираетесь пить? — Ксюша подозрительно посмотрела на Грэга.

— Нет, конечно, нет, — поспешно затряс руками тот.

В этот момент из куртки Аристарха на пол выпала бутылка водки.

Ксюша медленно повернула голову к Грэгу.

— Ну-у... — протянул он, разводя пальцы на небольшое расстояние. — Совсем чуть-чуть. Но если ты не хочешь, мы, конечно, не будем.

Девушка ничего не ответила и села рядом с подругами.

— Ксюш, ты очень хорошо выступила, — поддержала её Марина.

— Блин, я там со страху чуть не умерла, — призналась Ксюша с мягкой улыбкой.

Конкурс подходил к концу, но результаты должны были объявить только после выступления участников во всех номинациях. Поэтому ребятам оставалось лишь томиться в ожидании.

Кульминацией вечера стала номинация «Лучший голос». Ведущий один за другим приглашал на сцену певцов, и каждый старался задеть самые тонкие струны жюри. Грустные, проникновенные песни погружали зал в атмосферу воспоминаний, будили ностальгию по несбывшимся надеждам и старым ошибкам.

Ксюша давно забыла о своём волнении и снова влилась в шумную атмосферу компании. Она смеялась так громко, что иногда была вынуждена останавливаться, чтобы перевести дух, а потом одёргивала Грэга за его бесконечную и, по её мнению, совершенно бессмысленную болтовню.

— Я сейчас, — бросил Грэг, поднимаясь с места. — Пойду горло промочу... то есть, проветрюсь.

— Возвращайся быстрее, результаты на носу! — крикнула ему вслед Ксюша.

Мальчишки из их компании дружно поднялись и потянулись за ним на выход.

Тем временем на сцене сменялись последние пять конкурсантов, а Гриши и его парней в зале всё не было видно. Ксюша уже начала нервно поглядывать на дверь. И тут случилось нечто совершенно невообразимое.

Ведущий только-только вышел на сцену, собираясь объявить финал конкурса, как из-за кулис внезапно высунулась чья-то наглая рука, бесцеремонно сцапала его за шиворот и утащила во тьму кулис. За сценой что-то глухо звякнуло, раздался короткий вскрик, и спустя секунду перед микрофоном материализовался... мужик в грязных строительных сапогах и рабочих штанах. Поверх этого великолепия был наспех натянут тот самый пиджак ведущего, исчезновение которого никто в жюри еще не успел осознать.

— Итак... — мужик громко икнул, слегка покачиваясь на негнущихся ногах. — Наш... ик!... последний участник. Григорий Соболев! Одиннадцатый класс. Школа... — лжеведущий на секунду завис с абсолютно иступленным выражением лица, беспомощно оглядываясь на кулисы в поисках подсказки. — Какая школа-то? — громко прошептал он прямо в микрофон.

Получив из темноты невидимый подзатыльник, он поспешно кивнул:

— Школа номер один! Рукоплещем, товарищи!

После недавнего веселья Ксюша с подругами растерянно переглянулись, вообще не понимая, что за балаган разворачивается на сцене. Ксюша приподняла бровь, пристально разглядывая покачивающегося оратора в грязных сапогах.

И тут тишину зала буквально разорвал плотный гитарный аккорд. Следом, словно пушечный залп, грянула мощная барабанная дробь. Звуки, полные дикого, первобытного напряжения, мгновенно заполнили Дворец молодежи, заставив всех присутствующих затаить дыхание.

Зрители, уже сморенные скукой и готовые провалиться в сон, разом встрепенулись. На сцену лавиной вывалилась вся банда Грэга, ведомая тем самым строителем в чужом пиджаке. Парни выстроились шеренгой у микрофонных стоек и единым, оглушительным хором грянули вступление, повергая зал в полный ступор.

А затем, словно гром среди ясного неба, к микрофону вышел Грэг. И зал буквально взревел.

Это был не просто концерт — это был самый настоящий побег из тюрьмы серости и скуки! Восьмидесятые, провинциальный Дворец молодёжи, строгие партийные судьи в первом ряду — и тут выбегает семнадцатилетний Грэг в кожанке наголо, с безумным взглядом и диким запасом энергии, способным зажечь целую электростанцию.

Парни из его банды, подхватив стойки с микрофонами, грянули оглушительное:

— ХЕЙ! ХЕЙ! ХЕЙ!

Аристарх на заднем плане выдал на гитаре такой ревуший, грязный рокерский рифф, от которого у членов жюри в первом ряду едва не вылетели вставные челюсти. Грэг схватил микрофон, крутанул его в воздухе, как настоящий рокер с обложки журнала, и, глядя прямо на ошарашенную Ксюшу, запел с той самой дерзкой страстью:

«Опасное лекарство»

Этот зал засыпает под скучную грусть,

Но я здесь не за этим — я к чёрту взорвусь!

Ты прячешь улыбку, ты строишь броню,

Но я этот лёд за секунду сожгу!

Врачи говорят, что я сошёл с ума,

Но моё заболевание — это ты сама!

На припеве вся банда у микрофонов взорвалась синхронным хором, подпрыгивая на месте под мощнейший бит:

Твоя любовь — это опасное лекарство,

От которого рушатся все государства!

Она жжёт мои вены, кипятит мою кровь,

Ты — мой сладкий яд, ты — моя любовь!

И я хочу ещё! Мне нужна эта доза!

Зал, который ещё пять минут назад засыпал под унылые баллады о комсомоле и осени, впал в экстаз. Девчонки на задних рядах вскочили с мест и начали визжать, а Ксюша... Ксюша сначала от шока закрыла лицо руками, краснея до кончиков ушей, но сквозь пальцы было видно, как на её лице расплывается улыбка.

Грэг легко спрыгнул со сцены прямо на пол зала, на ходу распутывая длинный шнур микрофона, и быстрыми, размашистыми шагами ринулся по центральному проходу. Подле-

тев к её ряду, он опустился на одно колено прямо напротив раскрасневшейся Ксюши и запел ей прямо в глаза:

Слышишь, хватит от всех свои чувства скрывать!

Нам пора эти правила вместе ломать!

Мне не нужен покой, мне не нужен диплом,

Если я заболел тобой этим днём!

На последних словах одним приглашающим жестом он протянул ей руку. И она, словно околдованная его голосом и этой безумной дерзостью, доверчиво вложила свою ладонь в его пальцы и поднялась с места.

Зажав её руку в своей, Грэг увлёк её за собой обратно к подмосткам, пока парни у микрофонных стоек и весь зал подхватывали новый взрыв припева:

Твоя любовь — это опасное лекарство,

От которого рушатся все государства!

Она жжёт мои вены, кипятит мою кровь,

Ты — мой сладкий яд, ты — моя любовь!

И я хочу ещё! Мне нужна эта доза!

Вместе они взлетели на сцену. И вот тут Грэг стал просто неудержим. От его бешеной энергетики воздух под софитами, казалось, плавился. Ксюша, оказавшаяся под прицелом сотен глаз, быстро справилась с шоком. Поймав его горящий взгляд, она невольно начала покачивать плечами в такт рваному ритму, растворяясь в этой бурной симфонии.

Парни на бэк-вокале надрывали глотки, выкладываясь по полной. В зале уже не осталось ни одного равнодушного человека — даже строгие судьи невольно притоптывали ногами в такт. Гитара Аристарха зашлась в безумном финальном соло. Грэг на секунду замолчал, жадно хватая ртом воздух, а затем выдал невероятный по силе вокальный аккорд:

К чёрту рецепты! К чёрту покой!

Я до последней капли твой!

Жги этот зал! Добавляй огня!

Ни один врач не вылечит меня!

ДАВАЙ!

Твоя любовь — это опасное лекарство,

От которого рушатся все государства!

Она жжёт мои вены, кипятит мою кровь,

Ты — мой сладкий яд, ты — моя любовь!

И я хочу ещё! Мне нужна эта доза!

ЕЩЁ! БОЛЬШЕ! ЕЩЁ!

Грэг резко замолчал, музыка стихла до гулкового баса, и он, глядя прямо в сияющие глаза Ксюши, выкрикнул на весь дворец молодежи:

Меня не вылечить, как ни лечи!

Бесполезно звать врачей!

Слышишь?! Я неизлечим!

Музыка оборвалась в один миг, оставив после себя оглушительную тишину. Секундное затишье перед бурей — и Дворец молодёжи взорвался громом аплодисментов и восторженных криков. Грэг, как истинный рок-герой, вскинул руку в приветственной «козе», крепко сжал ладонь смущённой, но светящейся счастьем Ксюши и вместе с бандой триумфально скрылся за кулисами, оставив за собой шлейф чистого безумия.

Глава 6

Я смотрел на девчонок — их лица светились таким блаженным умилением, будто они только что увидели сошествие ангела или финал самого слезливого романа в мире. А вот мальчишки... Наши взгляды были иступленными: глаза по пять копеек, рты приоткрыты. Наблюдать эти полярные эмоции у одиннадцатиклассников после выступления Грэга было по меньшей мере странно.

Признаю: рассказ был чистым, искренним и чертовски заразительным — даже несмотря на его фирменные похабные шуточки. После такой истории сразу тянуло совершить какой-нибудь безумный поступок, чтобы все вокруг тыкали в тебя пальцем и шептали: «Смотрите, вот он!». Это было похоже на кино про ту самую свободную любовь, которая раскрашивает серые будни в неоновые цвета. Нереально красиво. Словно закат, который уносит солнце во тьму, а та внезапно расцветает синим звездным небом. Эта история закрывала одну главу жизни и тут же, со скрипом, открывала следующую.

— Грэг, — вдруг встрял Кирилл, нарушая магию момента, — я чё-то не понял. Так эта «Ласточка»... это что, наша Ксения Анатольевна?

Весь класс, как по команде, снова обернулся к виновнику торжества. Честно говоря, все и так уже всё поняли, но

молчали из чистой вежливости, чтобы не подливать масла в огонь и без того взрывоопасной ситуации.

Грэг на мгновение прикрыл лицо ладонью и едва слышно пробормотал в пустоту:

— Какого черта...

Ксения Анатольевна медленно обернулась к нему. Её взгляд был полон такого испепеляющего гнева, что мне стало не по себе — точь-в-точь так иногда смотрит Света. В глазах учительницы вспыхивали настоящие искры, и вся харизма, которой Грэг только что очаровал кабинет, испарилась за доли секунды.

Сейчас я нашему другу точно не завидовал. Хотя, чего греха таить, зрелище было захватывающее.

— Так, а что же вы врете? — возмутилась Ксения Анатольевна. Она явно пыталась маневрировать, чтобы уйти от прямого вопроса Кирилла, но делала это напролом. — Если уж взялись рассказывать, так рассказывайте, как всё было на самом деле!

Это была отчаянная, почти безнадежная попытка перевести разговор в другое русло, но стратегически — верная.

— Я? — Грэг нахмурился, пытаясь вернуть самообладание. — Это была чистая правда.

— Всё! — отрезала она, резко вставая из-за стола. — Неинтересно слушать. Класс, на литературу! Будете отрабатывать всё, что прогуляли за этот час.

Со всех концов кабинета раздалось жалобное, протяжное:

«Грэ-э-эг...».

— Хорошо-хорошо! — Грэг вскинул руки, сдаваясь. — После того как мы ушли за кулисы...

— Нет! — Ксения Анатольевна прервала его на взлете. — Рассказывайте, куда вы ушли и в каком состоянии вывалились на сцену!

— Да в нормальном мы были состоянии, — Грэг сделал лицо невинного младенца.

— В нормальном?! То есть связать ведущего и вдрызг напиться за кулисами перед выступлением — это у вас теперь «нормально»?

Весь класс синхронно округлил глаза и, словно стайка голубых птенцов, уставился на Грэга.

— Да мы выпили-то... всего ничего, — пробормотал он.

— Ничего?! Да вы все красные были, как раки! — она затрясла руками, не в силах сдерживать возмущение. — Ещё и Василия Юрьевича в это втянули!

— Да не тягивали мы его, — уже менее уверенно отозвался Грэг. — Он сам нас, можно сказать, приобщил.

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоить Ксению Анатольевну:

— Ладно. После того как мы вышли из зала... Я, Артём и Арик... В это время на сцене какая-то девочка пела очередную душераздирающую балладу, а мы слышали за кулисами странные возгласы. Я предложил глянуть. Мы двинулись по холлу, я толкнул первую попавшуюся дверь, откуда доно-

сились шорохи, и мы увидели вашего Василия Юрьевича.

Грэг посмотрел на учительницу:

— Он сидел там с бутылкой водки в обнимку. Увидел нас и спрашивает: «Вы кто такие?». «Конкурсанты», — говорю. «Ну и идите, выступайте», — буркнул он нам. «А вы-то чего тут сидите?» — спросил я.

И вот тут этот Василий Юрьевич начал задвигать Грэгу про бренность бытия и бессмысленную жизнь молодежи. В какой-то момент в рассказе даже Гагарин всплыл. Ну и как-то так вышло, что вся шайка Грэга уселась пить вместе с ним. Артём, правда, поначалу ломался, как красная девица, но...

Грэг хитро улыбнулся:

— Но я его уговорил.

— Это наш Аристарх Викторович-то? — не удержался я.

— Кхм, да, — Грэг криво усмехнулся. — Аристарх Викторович в юности был тот еще разбойник. Так вот... Пока мы сидели и мирно дегустировали водку, я напрочь забыл, что мне сейчас на сцену. И тут врывается ведущий. Сначала он наорал на Василия Юрьевича — а тот, между прочим, милейший души человек... — Ксения Анатольевна на этих словах лишь саркастично причмокнула. — В общем, ведущий заявил, что я выступать не буду, потому что пьян. Мы его и так, и эдак просили — ни в какую. Ну, мы за ним и рванули. Он — на выход, а Василий Юрьевич хватъ его за рукав и назад. Делать нечего, пришлось парня слегка связать. Василий Юрьевич напялил его пиджак, вышел и объявил наш

номер. Алкоголь ударил в голову, и мы решили: раз уж выходим, то устроим настоящее шоу. Ну и спели...

— Спели?! — взорвалась Ксения Анатольевна. — Да когда ты ко мне потом подошел, от тебя разило за версту!

— Ну и что? Я же на ногах стоял, не падал! — невозможно парировал Грэг. — Никто и не заметил.

— Никто?! — она уже не просто возмущалась, она выходила из себя. — Да мои родители, которые сидели в другом конце зала, после этого запретили мне с тобой даже здороваться!

— Родители?.. — неловко пробормотал Кирилл.

В кабинете повисла тишина. Ксения Анатольевна вдруг осеклась, осознав свою ошибку. Всё. Она только что раскрыла все карты. Ни у кого в классе не осталось ни малейшего сомнения: «Ласточка» — это она. Грэг снова довел её до точки кипения, заставив потерять самообладание. Она выглядела так, будто её ударили — в этом порыве была и уязвленная гордость, и неприкрытый стыд. И знаете, в этот момент никакой шарм Грэга не мог спасти ситуацию. Нам всем стало её по-настоящему жалко. Даже мне.

— Ну... было там парочка человек, — натянуто улыбнулся Грэг, пытаясь сгладить угол.

— С меня хватит, — глухо произнесла учительница. — Класс, оставайтесь здесь. Я ухожу.

— Ксения Анатольевна! — я подал голос, искренне желая её поддержать и сменить тему. — А как вы думаете, ка-

кой был самый романтичный поступок, который делали ради вас?

Я хотел как лучше. Хотел, чтобы она перестала нервничать. Но она, видимо, решила, что я тоже пытаюсь её подколоть при всех. Ксения Анатольевна резко раздула ноздри и посмотрела на меня так, что у меня внутри всё похолодело.

— Так, Миша, ты ничего не попутал? — грозно спросила она. — Ты как со мной разговариваешь? Я тебе учительница, а не подруга.

— Да он же ничего такого не спросил! — попытался вступить Грэг.

— Ну вот и отлично. Нашли друг друга. Кореша до гроба! — выпалила она.

Это была совсем не та Ксения Анатольевна, которую мы знали — мягкая, добрая, интеллигентная. Сейчас перед нами стояла женщина, в которой бушевал настоящий шторм. Я невольно задумался: что же должно было произойти между ними восемь лет назад, чтобы этот спокойный человек превратился в оголенный нерв? Оказывается, мы вообще ничего не знаем о тех, кто нас окружает.

— До свидания, дети. Не забывайте готовиться к экзаменам, — она открыла дверь, бросив последнюю фразу уже через плечо. — Выпускной обсудим позже... напишу в группу.

Дверь закрылась. Никто не понимал, почему она так сорвалась. Вроде Грэг ничего такого ужасного не сказал... Но Света быстро развеяла наши иллюзии.

— Грэг, а ты ведь козел, — вдруг четко произнесла она. Грэг вскинулся, в его глазах блеснула ответная злость. — Это не ваше дело, мадемуазель! — огрызнулся он. Но Света даже не моргнула.

— Я прекрасно понимаю Ксению Анатольевну. И понимаю, почему она так себя ведет.

— Да брось ты, Светик, — вставил свои пять копеек Матвей. — Просто бабские капризы, переклинило её на Грэге, вот и всё.

— А вот и нет! — Света сердито обернулась к нему. — Это для вас всё шуточки. Грэг... — она посмотрела на него в упор, как судья на подсудимого. — Это ведь не в первый раз было, да?

Грэг промолчал, отведя взгляд.

— Дело в том, — продолжала Света, не сводя с него глаз, — что ты совершил романтический поступок. Очень романтический, все с этим согласятся. Но все твои действия всегда были сопряжены с другой стороной, которая ложилась невыносимым грузом на плечи Ксении Анатольевны. Ты как ребенок, за которым постоянно нужно следить, чтобы он не натворил бед. И от тебя невозможно отказаться, потому что, с одной стороны, ты увлекаешь своими рассказами, мыслями, которые проникают в самое сердце. А с другой — ты вечно творишь глупости. Ты разрушаешь всё, к чему прикасаешься.

Грэг смотрел на Свету. В его глазах отражалась не злость,

а горькое признание правды. Он молчал, потому что возразить было нечего.

— Сейчас приду, — бросил он коротко и вышел из класса.

В аудитории захрустела очередная тишина. Никто даже не подумал подорваться к двери, чтобы подслушивать — стало стыдно. Мы все чувствовали себя свидетелями чего-то слишком интимного и горького.

— Как думаете, он её вернет? — шепотом спросила Оля.

— Думаю, да, — ответил я. — Но нам лучше уйти. Это уже не наше дело.

— Нет, давайте подождем, — настаивала Оксана.

А там, в коридоре, у окна, сидела Ксения Анатольевна. Она подняла голову, тяжело вздохнула и уставилась на свои дрожащие руки. Грэг медленно подошел к ней.

— К вам можно? — с жалкой, кривой улыбкой спросил он.

Учительница промолчала. Грэг робко присел рядом на скамью.

— Извини, — после долгой паузы выдохнул он.

— За что, Грэг? — она произнесла это удивительно спокойно. — За то, что ты свалил восемь лет назад и даже не попрощался? Или за то, что ты находишься здесь всего час, а я уже веду себя как последняя дура при детях?

— Нет. Ты не дура. Прости меня за то, что я снова вывел тебя из себя.

Они замолчали. Воздух между ними казался густым и

невыносимо тяжелым.

— Зачем ты вернулся? — тихо спросила она.

— Я... — Грэг запнулся, — хотел вспомнить, как здесь мне было хорошо.

— Почему сейчас? — Ксения Анатольевна обернулась, глядя на него утомленным взглядом. — Почему не через десять лет? Лучше бы ты вовсе не возвращался.

— Прости меня, я знаю, ты злишься...

— Нет, — отрезала она. — Я не злюсь, Грэг. Это давно прошло. Я зла на тебя не за то, что ты уехал. А за то, что ты не дал мне даже шанса. Ты просто исчез. Я годами прокручивала в голове слова, которые хотела бы тебе сказать, если встречу. Но сейчас... — она посмотрела на него и покачала головой. — Сейчас я смотрю на тебя и понимаю: мне нечего тебе сказать.

— Ксю...

— Грэг, — она остановила его мягким, но непреклонным движением руки. — Пожалуйста. Я сама виновата, что сорвалась, но умоляю: не впутывай меня больше в свои дела. И других не впутывай. Когда-то я была частью твоей жизни...

— Ты не была частью. Ты была моей жизнью.

— Грэг! — она посмотрела ему прямо в глаза. — Я тебя не люблю. Всё кончено. Если ты приехал ради меня — ты зря потратил время. Можешь возвращаться туда, откуда приехал.

Между ними снова легла тишина — непреодолимая, как

пропасть.

— Мне пора. Нужно обсудить с детьми выпускной. Уходи, пожалуйста.

Грэг смотрел на неё опустошенно. В этих глазах когда-то заключалась вся его любовь к жизни. Вся его вселенная. Теперь там была лишь пустота. Ксения встала и, не оглядываясь, направилась в сторону класса.

Грэг остался сидеть в опустошенном чертоге своих мыслей. Он достал пачку сигарет, но зажигалка в пальцах дрожала. Ему ничего не хотелось. Даже дыма.

Мы сидели в классе, замерев в напряженном ожидании. Было странно и непривычно, но абсолютно все ребята искренне переживали за них обоих. Наконец дверь скрипнула, и в кабинет вошла Ксения Анатольевна.

— А где Грэг? — тут же спросил я.

— Он уехал домой, — подчеркнуто спокойно ответила она, хотя бледность на её лице выдавала пережитую бурю. — Он приехал недавно и еще не успел навестить остальных друзей... Дети, вы меня извините за такое поведение. Мне ужасно стыдно.

— Да ладно вам, Ксения Анатольевна, че мы, не понимаем, что ли? — старался поддержать её Матвей. — И вообще, шутки у него так себе были.

Учительница признательно улыбнулась.

— Я хотела обсудить с вами кое-что важное. Скажите, вы не хотите устроить какое-нибудь представление на выпуск-

ной?

По кабинету прокатилась волна тяжелых вздохов.

— Такой вечер бывает только раз в жизни, подумайте, — мягко продолжала она. — Я, конечно, не настаиваю, но мне кажется, вам самим будет приятно, если останется воспоминание на всю жизнь.

— Да нам сразу сказали, что там даже алкоголя не будет! — буркнул Пашка. — Я лично вообще туда идти не хочу.

— Значит, ничего не будем делать? — спросила Ксения Анатольевна.

— Ну а что тут сделаешь?

— Не знаю, это ведь ваш праздник, — улыбнулась она.

Напряжение в классе спало. Ксения Анатольевна, кажется, окончательно взяла себя в руки и оттаяла, став прежней — доброй и заботливой.

— Я бы предложила, например, сделать флешмоб. Или придумать веселые конкурсы для родителей...

— Флешмоб — это же старо как мир! — слышалось из угла.

— Ну да, — подхватила Оксана. — А конкурсы и без нас ведущий устроит.

— Понятно... Значит, идея так себе.

Договорить она не успела: дверь с тихим щелчком распахнулась.

— Извините, — на пороге появился Грэг. — Забыл телефон.

Он медленно прошел к учительскому столу. Ксения Анатольевна тут же опустила глаза и сделала плавный шаг назад, пытаясь физически увеличить дистанцию между ними.

— Всё, всем удачи, ребят! — Грэг забрал с края стола мобильник и повернулся к выходу.

— Грэг! — окликнул его я.

— Да?

— Нам тут Ксения Анатольевна предложила сделать что-нибудь запоминающееся на выпускной. Чтобы было что вспомнить через годы. Но у нас идей ноль, и всё кажется скучным. А ты бы что предложил?

— Я? — Грэг замер на пороге, краешком глаза косясь на нашу литераторшу.

— Да, Грэг, что бы ты придумал? — поддержала меня Света.

— Эм... Думаю, Ксения Анатольевна знает гораздо лучше. А всё, что могу предложить я, вам либо не понравится, либо администрация школы запретит под угрозой расстрела. Так что извиняйте. Ладно, мне пора.

— Ну предложи хоть что-нибудь! — остановила его Оксана.

Грэг снова посмотрел на учительницу. Я не выдержал и пошел в атаку:

— Ксения Анатольевна, я всё понимаю, но это наш выпускной. И Грэг сейчас молчит исключительно из-за вас. Вы предложили нам сделать праздник, но адекватных идей у нас

нет.

Литераторша слегка растерялась от такого выпада. Она сложила руки на груди, окинула меня взглядом, затем быстро перевела его на Грэга:

— Григорий Игоревич может говорить всё, что считает нужным. Я не влияю на его решения. Если у тебя есть предложения — говори, — обратилась она к нему подчеркнуто официально.

— Да я же сказал, что не могу предложить ничего цензурного.

— Алкоголя всё равно не будет, — с откровенной тоской в голосе резюмировал Матвей.

Класс дружно хохотнул, разряжая атмосферу.

— Ну, с алкоголем мы, пожалуй, сможем решить вопрос, — хитро прищурился Грэг.

Ксения Анатольевна снова начала заводиться, но Грэг вовремя исправился:

— Шампанское-то вам всяко разрешат, — он подмигнул нам.

Всем, конечно, моментально стало ясно, что про «шампанское» он говорит исключительно для приличия, но литераторша этой тонкой иронии не заметила. Грэг мастерски умел создавать праздник из воздуха.

В этот момент дверь распахнулась, и в класс влетел Аристарх Викторович. Увидев Ксению Анатольевну, стоящую плечом к плечу с Грэгом, он аж опешил:

— Вы ещё здесь? — обратился он к другу.

— Как видишь.

— Уже пятый час! Вы что тут вообще делаете?

Пятый час?! У нас у всех глаза полезли на лоб. Мы просидели в школе практически до самого вечера! Народ тут же зашуршал по карманам, вытаскивая телефоны, чтобы проверить, не сошел ли учитель с ума.

— Да вот, рассказывал ребятам разные байки, — невозмутимо улыбнулся Грэг.

— Какие еще байки? — Аристарх Викторович с подозрением поставил портфель на стол.

— Ну, помнишь наш рок-концерт в одиннадцатом классе?

— Ты что... рассказал им всё? — в глазах учителя музыки мелькнул неподдельный ужас.

— Ну, не то чтобы всё...

— Мы теперь знаем, как вы умеете отдыхать, Аристарх Викторович! — во всю мочь заорал Пашка, и класс взорвался хохотом.

— Грэг... я же просил просто посидеть с ними! — схватился за голову учитель.

— Да ладно тебе. Тем более, не я первый начал.

— А кто тогда?! Они дети, а мы педагоги, Грэг! — Аристарх Викторович демонстративно встал рядом с Ксенией Анатольевной, занимая оборонительную позицию плечом к плечу. — Если начальство узнает, меня уволят по статье! Я же просил: посидите тихо!

— Арик... это я сказала. У меня случайно вырвалось, — раздался виноватый голос из-за спины музыканта.

Аристарх Викторович мгновенно всё понял, сдущся и только тяжело вздохнул:

— Ладно. Время уже детское, всем пора по домам.

— Мы вообще-то еще не решили насчёт выпускного! — запротестовал я.

Странное дело — мне совсем не хотелось уходить. Теперь, когда эти трое взрослых стояли перед нами вот так, без масок и официальностей, в классе царила какая-то домашняя атмосфера. Хотелось сидеть и слушать их бесконечно.

— А что вы хотите? — устало спросил Аристарх Викторович.

— Я предложила им сделать какое-нибудь творческое выступление, чтобы запомнилось на всю жизнь, — подала голос Ксения Анатольевна.

— И какие идеи?

— Мы хотели спросить у Грэга, но он ломается и молчит, — подставил я нашего героя.

Аристарх Викторович мгновенно оценил всю катастрофичность момента. Если Грэг сейчас начнет генерировать идеи для одиннадцатого класса, анархия станет официальным гимном школы.

— Думаю, вам пока рано об этом думать. Сперва сдайте экзамены, а то в голове один ветер останется. Предлагаю вернуться к этому разговору после сдачи ЕГЭ, — серьезно

произнес Грэг с долей сожаления.

Большинство ребят, не пылавших особой страстью что-либо делать, ухватились за эту отговорку и закивали.

— Ну что, тогда расходимся? — оглядел нас Аристарх Викторович.

Все начали лениво собирать рюкзаки.

— Грэг, а как у тебя-то выпускной прошел? — вдруг выпалила Света, глядя на него снизу вверх.

Несмотря на общую усталость, все замерли в ожидании финального аккорда.

— О нет, ребятки. Всем уже пора по домам, — отмахнулся он.

— Да ладно тебе, Грэг, расскажи последнюю историю! — поддержал я Свету.

Грэг неуверенно скосил глаза сначала на Ксению Анатольевну, потом на Аристарха Викторовича... и улыбнулся.

— Так, Аристарх Викторович прав, — отрезала Ксения Анатольевна, окончательно придя в себя. — Всем пора по домам. Ваши родители наверняка уже обрывают телефоны.

— Мы можем им позвонить и сказать, что задерживаемся по уважительной причине! — тут же парировал я, не желая отпускать этот момент.

— Ксения Анатольевна, извините... — робко подала голос Света. — Я не могу ручаться за абсолютно всех, но уверена: многие сейчас отдали бы всё, чтобы дослушать историю Грэга.

Класс замер, ожидая вердикта.

Наши «законные» учителя — по литературе и музыке — явно нервничали. Они смотрели на нас как на птенцов, еще не окрепших для суровой правды жизни, от которой нас нужно оберегать. И только Грэг общался с нами как с равными. Без сюсюканья, без педагогических реверансов. Наверное, именно поэтому наш новый «друг» так молниеносно взломал оборону нашего класса.

— Извините, ребят, но тут я соглашусь с вашими учителями, — неожиданно мягко произнес Грэг. — Пора по домам. Время позднее, родители действительно будут сходить с ума.

Спорить с ним было бесполезно. С понурыми лицами, нехотя, мы потянулись к выходу, волоча рюкзаки. Гул голов в коридоре постепенно затихал.

В кабинете остались только трое: наш новый загадочный гость и двое учителей.

Глава 7

Мы спустились на первый этаж, но уходить никто не спешил. Воздух в школьном холле буквально вибрировал от нашего шепота. Класс мгновенно раскололся на два непримиримых лагеря.

— Блин, ну он же реально крутой! — горячился Матвей, размахивая руками. — Вы видели, как он её на место поставил? Приехал через восемь лет, весь такой на драйве... Настоящий рок-н-рольщик. А Ксения Анатольевна... ну, переборщила она с журналом. Видно же, что её до сих пор штырит от него.

— «Штырит»? Ты серьезно, Матвей? — Света скрестила руки на груди и посмотрела на него как на насекомое. — Человек восемь лет назад просто исчез. Не звонил, не писал. Она тут жизнь по кускам собирала, карьеру строила, а он вваливается в класс и начинает травить байки о том, какой он герой. Это не крутость, это эгоизм высшей пробы.

— Но история про Ласточку... — робко вставила Оксана, прижимая ладони к щекам. — Это же так романтично! Он защищал её с пятого класса. Такую любовь нельзя просто так вычеркнуть.

— Романтично — это когда на руках носят, а не когда связывают ведущих и напиваются за кулисами, — отрезала Света. — Ксения Анатольевна — приличный человек, а он

ведет себя как... как Грэг.

Я слушал их и понимал: правы оба. В Грэге было это странное, дикое обаяние, которое тянуло за собой, но за этим блеском скрывалась какая-то разрушительная сила. А Ксения Анатольевна сейчас казалась мне не просто строгой учительницей, а раненым зверем, который защищает свою территорию от того, кто когда-то выжег там всё дотла.

— Куда это он? — вдруг прошептал кто-то.

Мы замолчали. Грэг, не глядя по сторонам, прошёл через коридор. Его походка уже не была такой развязной. Он толкнул двери актового зала и скрылся внутри.

— Не знаю, — тихо ответила стоявшая рядом со мной Света.

Странно, но мы со Светой стояли почти вплотную. И, что ещё страннее — не ругались. Наверное, музыка Грэга или эта внезапная драма взрослых выбили из нас всё желание язвить.

Когда все ученики потихоньку разошлись, в школе воцарилась та самая неловкая тишина, которая бывает только после большого скандала. В классе наверху, должно быть, Аристарх Викторович пытался осознать масштаб катастрофы. Ему сейчас доставалось с двух сторон: за спиной — разгневанная коллега, впереди — непредсказуемый лучший друг.

А Грэг, проведя пару минут в гулкой пустоте зала, снова вышел в опустевшие школьные коридоры. Его глаза странно блестели — в наступающих сумерках казалось, что они

наливаются какой-то пугающей искренностью. Он медленно прошёл по рекреациям, поднялся наверх и снова спустился на второй этаж. Его взгляд цеплялся за каждую мелочь: за выщербленную плитку на полу, за старые стенды, за привычный запах краски и мела. Он пытался понять — осталось ли здесь хоть что-то от того Гриши, который когда-то верил, что мир принадлежит ему одному?

Пройдя почти все этажи, он снова вернулся в актовый зал. Это место в нашей школе было универсальным: и столовая, и сцена, и зал для дискотек. По праздникам здесь убирали столы, выставляли скамейки, и воздух пропитывался запахом дешёвого парфюма и ожиданием чуда.

Грэг вошёл в этот абсолютно пустой зал и медленно поднялся на сцену. Он присел на самый край, свесив ноги вниз.

За большими окнами солнце начало медленно истекать персиковым цветом. Наступал вечер.

Пустой взгляд Грэга блуждал по залу, оживляя в пустоте фантомы прошлой жизни. Он понимал, как много дров наломал. И большинство воспоминаний сейчас жгли его изнутри.

Грэг резко встряхнул головой, вырываясь из плена воспоминаний. Он огляделся вокруг. Взгляд зацепился за старую, обитую дерматином дверь школьной кладовой, где Аристарх Викторович обычно хранил инструменты. По бокам сцены высились тяжелые, пыльные колонки. На крайней скамейке у стены одиноко лежал побитый микрофон.

Грэг решительно шагнул за кулисы. Спустя минуту он вернулся, волоча в руках мотки коммутационных проводов. Он быстро подключил колонки, протянул кабель к микрофону, а затем выудил со склада старую акустическую гитару.

Щелкнул тумблер усилителя. Грэг легонько постучал пальцем по мембране микрофона. По пустому залу прокатился неприятный грохот, заставивший задрожать оконные стекла. Поставив прямо посреди сцены ободранный стул, Грэг уселся на него, поудобнее перехватив гриф гитары. Подвинул ближе наклоненную стойку. Затем вытащил телефон и нажал на воспроизведение — из динамиков полилась минусовка.

Грэг прикрыл глаза. И запел.

«Падение в огонь»

Эти стены помнят нас совсем другими,

До того, как мы стали для мира чужими.

Я бежал от себя, я искал свой карниз

И смотрел, как моя жизнь срывается вниз.

Я глушил этот гул, пробивая финал,

И в угаре побед всё потерял!

Пусть кричат за спиной, что я всё проиграл,

Что я сам свою жизнь без оглядки ломал.

Но я сделал свой выбор, себе не соврав —

Я вернулся сюда, всё с нуля начав!

Смотри, как я падаю в этот огонь!

Без страховки, без скидок на прежнюю боль!

Пусть рушится всё, пусть ломаются правила —

Я вернулся за тем, что нам жизнь оставила!

Я срываюсь со стен, я иду за тобой,

Потому что я здесь, потому что живой!

Я стою на краю пред пустыми рядами,

Слышишь, эти стены снова замерли с нами.

Я не буду искать оправданий, причин,

В этом зале пустом оставаясь один.

Каждый мой шрам — это выбор мой,

И я здесь до конца, потому что живой!

Мне не нужно авансов и правильных слов,

Я сдираю замки с этих старых долгов!

Если это падение — мой главный полёт,

Я иду до конца, и пусть мир подождёт!

Смотри, как я падаю в этот огонь!

Без страховки, без скидок на прежнюю боль!

Пусть рушится всё, пусть ломаются правила —

Я вернулся за тем, что нам жизнь оставила!

Я срываюсь со стен, я иду за тобой,

Потому что я здесь, потому что живой!

Я вернулся...

На первом этаже, услышав глухой стук и гул из колонок, мы все как один переглянулись.

— Пойдёмте посмотрим? — негромко предложила Света. Ребята молча кивнули.

Когда мы бесшумно поднимались по ступеням лестницы, до нас долетел голос. Изумительный, чистый, с той самой надрывной хрипотцой. Вживую этот звук ощущался совершенно иначе — он проникал под кожу, вибрировал где-то в груди, становясь частью твоей собственной жизни.

— Это он?.. — едва слышно выдохнула Света, коснувшись моего плеча.

— Не знаю, — так же тихо ответил я.

Мы осторожно приоткрыли дверь и просочились в актёрский зал, стараясь не выдать ни звука. То, что мы увидели на сцене, лишило нас дара речи.

Грэг сидел на стуле, прямо напротив наклоненного микрофона, а за большими окнами оседал персиковый закат. С

каждым произнесённым словом и хриплым аккордом он, казалось, всё глубже уходил в какой-то свой, иллюзорный мир. Мы замерли у входа, и я мог только догадываться, что он переживал в эту минуту. Мне казалось, будто из пустоты зала на него смотрят фантомы всех тех, кого он когда-то предал, обидел или оставил позади.

Но главное — я был уверен, что прямо там, в пустом третьем ряду, ему мерещилась она. Его Ласточка. Что она смотрит на него своими невероятными каре-зелёными глазами, отдавая всю себя, всю свою прежнюю, чистую искренность.

Я чувствовал: ради этого взгляда Грэг и сейчас был готов абсолютно на всё. Пойти против закона, взбунтоваться против целого мира, бросить вызов самим богам и отдать собственную плоть на растерзание. Похоже, только там, в этом призрачном отражении прошлых лет, оставалось спасение для его израненной души — души, пробитой старыми ошибками, заставлявшими сердце кровоточить беззвучными слезами.

От того циничного, развязного и наглого Грэга, который последние три часа паясничал перед нами, не осталось абсолютно ничего. Сейчас на сцене сидел человек, до самого основания пронизанный оголённой болью. У него был невероятный голос. Он пел с закрытыми глазами, бережно перебирая струны, будто представлял, что сцена вовсе не пуста. Будто он пел для кого-то конкретного, кто стоял прямо перед ним.

Я быстро огляделся. Парни стояли, забыв закрыть рты, девчонки заворожённо хлопали ресницами, боясь упустить хоть один его жест.

Мы максимально тихо, на цыпочках, прошли вглубь зала и опустились на выставленные в ряд банкетки. Никто не проронил ни звука. Мы смотрели на нашего «учителя» горящими глазами. Думаю, в этот момент у каждого в голове крутился один и тот же вопрос (у меня-то уж точно): *«Неужели это и есть тот самый рок, о котором он нам говорил?»*

И тут в дверном проеме у входа появились Аристарх Викторович и Ксения Анатольевна.

Это было поразительно, но в тот вечер лица взрослых были настолько открытыми, что на них без труда читалось абсолютно всё, что они чувствовали. Словно Грэг своей песней сорвал с них все маски. Аристарх Викторович стоял, скрестив руки на груди и прислонившись к косяку. На его губах блуждала горькая улыбка. На его лице застыла какая-то теплая усталость — забота о друге, который всю жизнь оставался непутевым мальчишкой, вечно приносящим одни проблемы. И Аристарх принимал его таким.

А Ксения Анатольевна... На секунду мне показалось, что её лицо выражает то же, что и у Аристарха, но нет. Это было нечто гораздо большее. Что-то настолько глубокое и взрослое, чего я в свои семнадцать лет еще никогда не испытывал и не знал.

Когда песня уже близилась к финалу, Ксения Анатольев-

на резко развернулась и ушла. Аристарх Викторович порывался остановить её — даже сделал шаг вслед, но вовремя передумал. Он лишь вздохнул, тихо прошёл в зал и опустился на скамейку рядом с нами.

Грэг взял последний аккорд. Музыка смолкла. Он глубоко, всей грудью вздохнул и медленно открыл глаза.

На его лице отразилось крайнее изумление, когда он увидел перед собой молчаливый зрительный зал, состоящий из десяти человек. Грэг явно смутился — он застыл, не зная, куда деть руки и что сказать.

— Грэг, ты потрясающе поешь! — первой нарушила тишину Света. — Теперь, кажется, я действительно понимаю, что ты имел в виду, когда говорил, что «сам — это рок».

Грэг в оцепенении еще несколько секунд находился в той же позе. Казалось, слова Светы пролетели где-то высоко над ним и разбились о противоположную стену. Но затем его лицо потеплело, он слабо улыбнулся и аккуратно прислонил гитару к стойке.

— Вы давно здесь?

— Да почти с самого начала песни, — ответил я.

— Вижу, вас поубавилось.

— Многие ушли домой, думали, что на сегодня всё, — продолжил я, оглядывая пустые ряды. — А потом мы услышали музыку... и вернулись.

Грэг бросил быстрый взгляд на проход у дверей, надеясь кого-то там увидеть.

— А где Ксения Анатольевна?

— Тоже ушла домой, — тихо ответил Аристарх Викторович, сидевший на лавке чуть позади нас.

Грэг молча кивнул, и в этом кивке было столько тоски, что мне на секунду стало не по себе.

— Грэг, расскажи про свой выпускной, — вдруг попросила Света.

Она сидела на лавке совсем рядом со мной. Буду честен: мне нравилось её присутствие. От неё очень вкусно пахло — какими-то нежными цветами, а её точеный силуэт в мягких лучах заходящего солнца казался невероятно хрупким. В этот момент мне хотелось, чтобы это мгновение длилось как можно дольше.

Грэг снова глубоко вздохнул, усаживаясь поудобнее на краю сцены.

— Ну, хорошо. Думаю, скрывать очевидное дальше бессмысленно — все и так поняли, что под «Ласточкой» я имел в виду вашу Ксению Анатольевну. Врать глупо. Но предупреждаю сразу: на том выпускном я натворил слишком много дел. Больше, чем за всю свою жизнь.

— Это уж точно, — подал голос Аристарх Викторович, и на его лице появилась понимающая усмешка.

Грэг тихо рассмеялся, глядя на своего верного друга.

— Было это, конечно, целую вечность назад... Но, кажется, тот безумный день начинался так...

Глава 8

Наступили жаркие, пропитанные солнцем летние дни 1989 года. Экзамены остались позади. Грэг сдал их, честно говоря, так себе — едва наскрёб на проходной балл, но его энтузиазму это вообще никак не повредило.

В два часа дня началась торжественная часть: вручение аттестатов. Парни, непривычно серьёзные в строгих черных костюмах и галстуках, тянули шеи. Девчонки порхали в роскошных платьях, которые подчеркивали их едва повзрослевшие плечи.

К тому моменту Грэг и Ксения Анатольевна не разговаривали уже месяца два, а по-настоящему расстались — того дольше. Вся школа буквально кипела от восторга: выпускной — это праздник, который бывает в жизни только раз, и эта мысль витала в воздухе, как наэлектризованный предгрозово́й озон.

Ксения Анатольевна к финалу школы стала настоящей звездой, и та робкая девочка из начальных классов давно осталась в архивах памяти. Она стояла с подругами между первым и вторым этажом, поправляя причёску и щебеча о своём новом поклоннике.

— Ну и что? — спросила Катя, критически осматривая её макияж. — Он тебе нравится?

— Давай не об этом, — отмахнулась Ксюша.

— Да ладно тебе, вроде милый парень, — улыбнулась по-друга.

— Только чуть-чуть, — смущенно призналась Ксюша.

— О-о, так он тебе нравится! — Катя всплеснула руками. — С другой стороны, Грэг был явно хуже. Экзамены еле сдал. Как на такого вообще можно положиться в будущем?

В этот момент у лестницы показался Грэг. Он был в неброском черном пиджаке, брюках, с привычно растрёпанными волосами и расстёгнутой верхней пуговицей белоснежной рубашки. Он медленно поднимался вверх вместе с Аристархом и Олегом. Ксюша и её мама, Кристина Алексеевна, стоявшая неподалеку, неодобрительно покосились на него. Но Грэгу было плевать. Он словно находился в своём собственном мире, наполненном невидимой музыкой и собственным, одному ему понятным стилем.

Через час началась церемония награждения. Грэга вызвали на сцену предпоследним — аттестаты выдавали по мере успеваемости, так что тут всё было ожидаемо. А потом начался настоящий праздник.

Родители и выпускники — уже почти «взрослые люди» — отправились в ресторан. По дороге все громко смеялись, обсуждали будущую жизнь, которая виделась им чем-то грандиозным и масштабным. Машины гудели вслед новоиспеченным фаворитам «настоящей жизни».

— Спорим, сегодня он что-нибудь сотворит? — шепнул Олег, пробегая мимо Ксюши.

Никому не нужно было уточнять «кто». Имя Грэга в воздухе висело само собой. Самым странным было то, что всю дорогу до ресторана он хранил гробовое молчание.

В ресторане выпуск первой школы занял весь второй этаж. Родителей предусмотрительно рассадили в соседний зал — чтобы «не видели алкоголя». У выпускников же на столах из спиртного официально стояло только шампанское, да и то — по бутылке на четверых.

Ведущий начал празднество.

Пару нелепых скороговорок — «теперь-то мы взрослые!», потом пара тостов для сплочения коллектива... Родители, понимая всю тяжесть момента, начали свою игру: каждый раз, когда их «безымянный сын» выходил в туалет, в руки ему тайком совали бутылку покрепче. Не потому, что у парня были проблемы с почками, а потому что очень уж хотелось отметить «весомость праздника».

Разогретые хмелем, они перешли к конкурсам.

— Итак, главная номинация вечера — «Король выпуска 1989»! — объявил ведущий.

Послышались выкрики:

— Максим!

— Грэг!

— Олег!

— Грэг, иди быстрее, пока не передумали! — с разных сторон полетели возгласы.

С другой стороны стола, где сидели ребята из другого

класса, яростно скандировали:

— Леха, вставай!

В итоге набралось пять номинантов.

Ребята выстроились перед залом, напротив своих столов. Несколько родителей вышли в проход, чтобы лучше видеть происходящее, а кто-то остался сидеть, наблюдая за конкурсантами поверх бокалов и тарелок.

Ведущий поднял микрофон:

— Первый конкурс называется «Королевский забег»! Каждый участник должен добежать до своего стола, получить полный стакан кока-колы, вернуться на исходную позицию, выпить всё до дна и громко произнести: «Король выпуска 1989 готов к следующему этапу!»

По залу прокатился смех. Конкурсанты заняли позиции.

— На старт! Внимание! Марш!

Пять парней рванули вперёд. Грэг, как настоящий спортсмен, сначала обошёл Максима, затем чуть не столкнулся с Олегом и всё-таки добрался до своего стола.

Там его уже ждали Аристарх, Артём, Паша, Алёна и остальные ребята.

— Быстрее, Гриш! — крикнул Аристарх.

Кто-то схватил стакан, кто-то плеснул в него напиток, кто-то подтолкнул Грэга обратно. Он помчался к исходной точке, крепко сжимая стакан и стараясь не расплескать содержимое.

Именно тогда он ещё не знал, что его друзья успели внести

в конкурс небольшую, но весьма существенную поправку.

Грэг остановился рядом с остальными участниками, поднял стакан и залпом выпил его.

На первых двух глотках его лицо оставалось совершенно спокойным. На третьем спокойствие исчезло. На четвёртом Грэг замер, будто внезапно понял, что напиток обладает слишком насыщенным, слишком «взрослым» вкусом.

В этот момент я, слушая рассказ, не выдержал и рассмеялся.

— Что? — Света удивлённо посмотрела на меня.

— Ничего, — попытался я успокоиться. — Просто представил его лицо.

Грэг продолжал:

— В стакане была не только кока-кола, — признался он. — Аристарх с Артёмом решили добавить туда немного коньяка. Ну, по их мнению, совсем немного.

— Судя по твоему лицу, это было «немного» в их особом понимании, — заметила Света.

— Я не привык сдаваться на полпути, — усмехнулся Грэг. — Поэтому допил всё до конца.

Он действительно осушил стакан, хотя лицо его в этот момент напоминало выражение человека, который по ошибке

откусил самый острый перец на свете. Затем Грэг выпрямился и во весь голос прокричал:

— Король выпуска 1989 готов к следующему этапу!

Зал взорвался смехом и аплодисментами. Аристарх, Артём и Паша хохотали так, что едва не свалились под стол. Грэг бросил в их сторону убийственный взгляд, но спорить не стал. Он прекрасно понимал: если начал играть по правилам этой компании, жаловаться уже поздно.

Я покосился на Аристарха Викторовича. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смеялся, время от времени кивая, подтверждал каждую деталь.

— Мы действительно протащили бутылку, — признался он. — Спрятали её под столом, в пакете с подарками. Потом понемногу добавляли себе в стаканы.

— А Грэгу вы решили устроить отдельный конкурс? — спросил я.

— Он сам напросился, — с улыбкой ответил Аристарх.

— Неправда, — возразил Грэг. — Я просто доверял друзьям.

— Это была твоя главная ошибка, — сухо заметил Аристарх.

Света покачала головой:

— И вы после этого ещё удивляетесь, что Ксения Анатольевна считала Грэга безответственным?

Грэг на секунду замолчал. Его улыбка стала чуть менее уверенной.

— Вот видите, — пробормотал он. — Даже спустя столько лет вы всё сводите к Ксении.

— Потому что почти все дороги в твоей жизни почему-то к ней и приводят, — спокойно ответила Света.

На несколько секунд в зале стало тише. Но ведущий уже объявлял следующий конкурс, и Грэг поспешил вернуть разговор в прежнее, более безопасное русло.

— Второй этап! — торжественно прокричал он. — Ну что, посмотрим, как будущие короли умеют не только пить кока-колу, но и думать головой.

Аристарх Викторович тихо усмехнулся.

— Вот это особенно интересно, — сказал он. — Потому что с головой у нас тогда были определённые сложности.

Дальше Грэг бегло пересказал еще несколько этапов конкурса. С каждым этапом участники отсеивались. Некоторые конкурсы были банальными, некоторые — забавными, но финал перекрыл всё.

В самом конце на сцене остались только двое номинантов. Ведущий взял микрофон и торжественно обратился к залу:

— Вот они — два претендента на трон, готовые примерять корону! Но что это за короли, если у них нет верной свиты?

Правила финального испытания были просты и отчаян-

ны. Каждый кандидат должен был рвануть в зал и собрать за собой как можно больше людей. Под зажигательную музыку нужно было вытаскивать выпускников с их мест, выстраивая за своей спиной бесконечную шеренгу — «паровозик», идущий прямо в светлое будущее.

Никаких «на старт, внимание, марш». Едва загремели первые ритмичные аккорды, оба парня бросились в проходы между столами. Второму кандидату приходилось буквально уламывать ребят, силой выдергивая их с диванов. А Грэгу... Грэгу даже напрягаться не пришлось. Стоило ему просто протянуть руку и улыбнуться, как люди сами вскакивали со своих мест. Им искренне хотелось идти за ним, быть в его команде.

Шеренга Грэга растянулась через весь ресторанный зал. Победа была безоговорочной! Зал заходил ходуном от криков и аплодисментов.

Ведущий торжественно водрузил на растрепанную шевелюру Грэга картонную корону с позолотой. «Король выпуска 1989» состоялся.

— А ты расскажи, что потом было, — вдруг с хитрой ухмылкой перебил его Аристарх Викторович.

Грэг в актовом зале смутился, махнул рукой и попытался отмахнуться:

— Да ну, Арик, забей. Кому это интересно...

— Им это полезно услышать, — твердо возразил Аристарх. — Не скромничай. Скажи, что ты выкинул дальше.

— Грэг, — строго сказала Света, подавшись вперед на лавке. В её глазах горело недетское любопытство. — Рассказывай. Что ты опять натворил?

Грэг глянул на Свету, потом на меня, глубоко вздохнул с кривой улыбкой и сдался:

— Ладно...

Когда аплодисменты стихли, а ведущий вручил Грэгу корону, в воздухе на мгновение зависло удивительное ощущение. Думаю, в ту минуту не только Грэгу, но и каждому в том зале казалось: вот он, мир, лежит у их ног. Впереди — океан приключений, романтика, долгие дороги. Каждому семнадцатилетнему казалось, что взрослая жизнь — это череда принципиальных побед, где нет места низким поступкам и глупым ошибкам.

И вот Грэг, словно предчувствуя, как быстро разлетится в пыль этот иллюзорный замок, шагнул к микрофону.

— Друзья! Друзья, присядьте, пожалуйста! — крикнул он с улыбкой. — Ваш король желает молвить слово!

Зал откликнулся дружным хохотом.

— Потише музыку, сделайте чуть потише, — попросил он диджея.

Музыка притихла, и над столами опустилась тишина.

Грэг на секунду опустил голову, подбирая слова, а когда поднял взгляд, его голос звучал совсем иначе — мягко, без прежнего пафоса.

— Друзья... Мамы, папы, — медленно начал он. — Можно ли назвать этот вечер просто очередным этапом? Наверное. Станем ли мы завтра совсем другими людьми? Тоже возможно, — он неопределенно махнул рукой. — Но мне кажется, прямо сейчас мы — самые настоящие, какие только есть на всем белом свете. Вы можете мне не верить, но просто обернитесь. Посмотрите на наших родителей. Посмотрите, как искренне они сейчас улыбаются и смеются. Когда вы в последний раз видели их такими счастливыми? Говорят, школьные годы — лучшее время в жизни, которое никогда не повторится. Я раньше спорил с этим, но сейчас, кажется, соглашусь... Хотя мы и не любим признавать правоту родителей.

По залу снова прокатился легкий смех. Грэг попытался свернуть еще какую-то шутку, но осекся. Вздохнул, собираясь с силами, и посмотрел в глубину зала:

— Самое главное... Я хочу, чтобы мы никогда не забывали, какими мы являемся прямо сейчас. Возможно, под тяжестью жизни мы станем черствее, злее, равнодушнее. Оно и понятно: тяжело сохранять свет внутри, когда на тебя валится куча проблем. Но пока что эти проблемы решали за нас наши близкие. Надеюсь, мы справимся. Надеюсь, мы сохраним этот огонь внутри, который будет согревать в самую

лютую выюгу. Будем любить...

Он замолчал. Его взгляд остановился на Ксюше. Она сидела у противоположной стены и неотрывно смотрела на него своими печальными глазами.

— ...любить так, как никогда не любили, — тихо продолжил Грэг, не сводя с нее глаз. — Смущаться, бояться, кричать от счастья и замирать в тишине так, словно этот день — последний. И самое главное — учиться прощать. Сохранять это всё в себе, не закрываться и не бояться этого мира... даже после той боли, которую нам неизбежно придется ощутить. Нас одиннадцать лет готовили к выходу в этот мир. Так давайте не подведем тех, кто все эти годы не закрывал перед нами душу, пытаюсь наполнить нас любовью, заботой и теплом.

Когда он замолчал, зал взорвался оглушительными аплодисментами. Кто-то улыбался, вытирая слезы, кто-то с чувством обнимал соседей по столу, глядя на Грэга — их новоиспеченного короля, который на одном дыхании увлек весь ресторан в светлое будущее.

— Друзья! — Грэг вытянул руку, призывая к тишине. — У меня для вас есть небольшой подарок. Песня, которую я написал специально для этого вечера. И если мои ребята мне помогут...

Он повел ладонью в сторону нашего стола. В ту же секунду из-за стульев поднялись Аристарх, Пашка, Алёна и Ольга. Зал ахнул от неожиданности. Аристарх быстро прошагал к

диджейскому пульта, Пашка перехватил у стенки припасенную гитару, а девчонки встали у запасных микрофонов. Всё было спланировано заранее!

— Но чтобы эта песня зазвучала по-настоящему... — Грэг сделал паузу. — Мне нужен еще один человек. Ксения Анатольевна... Ксюш, ты поможешь мне?

Каждый ученик и родитель в том зале одновременно повернули головы к Ксении. В их горящих глазах читалось предвкушение чего-то огромного, чистого, теплого и сильного. Ксюша не растерялась и не стала устраивать сцен. Она лишь грустно улыбнулась, кивнула и поднялась со стула.

Грэг полез во внутренний карман своего черного пиджака и извлек оттуда аккуратно сложенный вчетверо тетрадный листок. Когда Ксюша подошла, он бережно вложил его в её тонкую ладонь. Оказывается, он задолго до этого вечера написал всю партитуру: пометил её строчки красными чернилами, а их совместные куплеты обвел в рамочку.

Следующую минуту в зале ресторана царила суета: Грэг вихрем носился между ребятами. Подбежал к Аристарху, шепнув пару финальных наставлений по звуку, потом вернулся к Ксюше, бережно поправил стойку её микрофона и на мгновение заглянул ей в глаза. Она ответила глубоким вдохом.

Пашка ударил по струнам гитары, Аристарх запустил мелодию, и... зазвучала музыка.

«Последние дети»

Этот вечер пропах старым залом и горьким вином,

Мы когда-то мечтали, что вместе отсюда уйдём.

Я ловил твои тени на выцветших школьных стенах,

И топил свою нежность в бессмысленных, глупых словах.

А на улице ветер качает пустые дворы,

Мы — последние дети в финале забытой игры.

Ты — мой раненый рок, мой безумный, отчаянный свет,

Я боюсь тишины, в которой тебя больше нет.

Смейся, пока можешь! Смейся, пока мы вдвоём!

Мы по тонкому льду в наше взрослое завтра идём.

Пусть замолкнут оркестры, и бал наш исчезнет вдали,

Мы — два берега этой продрогшей, уставшей земли.

Я наделаю дел, я нарушу все ваши табу...

Я закрою глаза и доверюсь слепой судьбе.

Но в кармане пиджака, среди крошек и старых стихов,

Я оставлю ключи от несказанных нами грехов.

Смейся, пока можешь! Смейся, пока мы вдвоём!

Мы по тонкому льду в наше взрослое завтра идём.

Пусть замолкнут оркестры, и бал наш исчезнет вдали,

Мы — два берега этой продрогшей, уставшей земли...

Жаль, конечно, что мне не довелось услышать этот шедевр вживую. Но, зная голос Грэга и его умение выворачивать душу звуком, я уверен: это было за гранью воображения. Если честно, мне до сих пор трудно поверить, что Ксения Анатольевна вообще умеет петь. В моей голове образ нашей строгой литераторши никак не вязался с той девчонкой, которая, по словам Грэга, способна была «разрывать саму суть реальности» пронзительным вокалом. Скорее всего, Грэг, как истинный лидер, вытащил всю песню на себе, а она просто красиво подпевала... Но Грэг рассказывал это так вдохновенно, будто в тот миг они действительно слились в едином потоке и просто взорвали этот зал.

И как только он закончил рассказ, я первым делом поймал себя на том, что сижу с открытым ртом. Потом осторожно глянул по сторонам: наши ребята и даже Аристарх Викто-

рович замерли в точно таких же позах. Челюсти слегка опущены, глаза не мигают... Со стороны мы, наверное, напоминали стаю заторможенных сов, которые пытаются осознать смысл бытия.

Ну да, нелепые шутки — это мой конек, особенно когда нужно хоть как-то разрядить атмосферу, ставшую невыносимо плотной.

— Вот это да... — первым выдохнул Пашка, нарушая тишину. — И что, Ксения Анатольевна реально так пела? Прямо рок-рок?

Грэг посмотрел на него, и в его взгляде на секунду промелькнуло то самое сияние из 1989-го.

— Парень, — тихо сказал он, — в ту ночь она была больше «рок», чем весь этот город вместе взятый.

Я посмотрел на Аристарха Викторовича. Он сидел, уставившись в пустоту, и на его лице блуждала такая странная, горько-сладкая улыбка, что стало ясно: Грэг не соврал ни в едином слове.

— Но это же ещё не конец истории? — тихо спросила Света. — Песня закончилась, а дальше что?

Грэг медленно перевел взгляд на неё. Он встал со стула и неспешно направился в дальний угол сцены, чтобы аккуратно прислонить гитару к стене.

— А дальше? — его голос стал глуше, в нём появилась металлическая нотка, которой не было раньше. — Дальше были девяностые. Драки, кровь, разборки, милиция...

Он начал выключать аппаратуру, сматывать провода, убиравая всё обратно в кладовую. Аристарх Викторович, сидевший в зале, хмыкнул, подтверждая слова друга.

— Да, было, конечно, весело, — сказал он, глядя в пустоту. — Много поменялось, не правда ли, Грэг?

Грэг не рассмеялся, но в его поникшей спине читалась глубокая ностальгия.

— Времена сильно изменили нас, — его слова звучали уже совсем иначе. — Хотя... может быть, и мир-то не менялся. Просто содержимого в нём меньше стало... не знаю, — он криво улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.